

**Федеральное агентство железнодорожного транспорта
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I»
(ФГБОУ ВО ПГУПС)**

ЭТНОПСИХОЛОГИЯ

Учебное пособие

**Санкт-Петербург
2016**

Федеральное агентство железнодорожного транспорта
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I»
(ФГБОУ ВО ПГУПС)

ЭТНОПСИХОЛОГИЯ

Учебное пособие
под редакцией Е. С. Синельниковой

Санкт-Петербург
2016

УДК 159.922.4
ББК 88.5
Я97

Р е ц е н з е н т ы:

доктор психологических наук, доцент
кафедры менеджмента массовых коммуникаций
СПбГУ *Д. С. Горбатов*;
доктор психологических наук, профессор кафедры
«Прикладная психология» ПГУПС *М. А. Бендюков*

Ященко Е. Ф.

Я97

Этнопсихология: учебное пособие / Е. Ф. Ященко,
Е. С. Синельникова, Г. Р. Чернова, М. Е. Буленкова; под ред.
Е. С. Синельниковой. – СПб. : ФГБОУ ВО ПГУПС, 2016. – 52 с.

ISBN 978-5-7641-0950-3

Рассмотрены предмет, методы и история этнопсихологии, этнопсихология личности, общение в культурах мира, межэтнические отношения. Подробно и всесторонне освещены актуальные и социально значимые проблемы межэтнических конфликтов, миграций и адаптации к инокультурной среде.

Предназначено для студентов, аспирантов и преподавателей факультетов психологии и педагогических вузов.

УДК 159.922.4
ББК 88.5

ISBN 978-5-7641-0950-3

© ФГБОУ ВО ПГУПС, 2016
© Ященко Е. Ф., Синельникова Е. С., 2016
© Чернова Г. Р., Буленкова М. Е., 2016

СОДЕРЖАНИЕ

1. Предмет, методы и история этнопсихологии.....	4
1.1. Предмет, теоретические подходы и методы этнопсихологии.....	4
1.2. История этнопсихологии.....	8
2. Этнопсихология личности.....	12
2.1. Психические процессы и культура.....	12
2.2. Этнокультурная вариативность социализации.....	16
2.3. Культура и личность.....	20
2.4. Универсальные культурные параметры как социальные регуляторы.....	24
3. Общение в культурах мира.....	28
3.1. Культура и вербальное общение.....	28
3.2. Культура и невербальное общение.....	32
3.3. Межкультурная коммуникация.....	36
4. Психология межэтнических отношений.....	38
4.1. Этническая идентичность.....	38
4.2. Межэтнические конфликты.....	41
4.3. Миграции. Адаптация личности к инокультурной среде.....	45
Список рекомендуемой литературы.....	52

1. ПРЕДМЕТ, МЕТОДЫ И ИСТОРИЯ ЭТНОПСИХОЛОГИИ

1.1. Предмет, теоретические подходы и методы этнопсихологии

Этнопсихология изучает особенности психики представителей этнических общностей, определяемые их культурой, психологические характеристики этнических общностей и психологические аспекты межэтнических отношений [16]. Этнопсихология возникла на стыке этнологии и психологии. Основными понятиями отечественной этнопсихологии являются «этнос» и «культура». Понятие «этнос» практически не используется в зарубежной психологии. Т. Г. Стефаненко определяет этнос как «группу людей, осознающих себя ее членами на основе любых признаков, воспринимаемых как устойчивые этнодифференцирующие характеристики» [16, с. 21].

Признаки, по которым люди относят себя к той или иной этнической группе, многочисленны, разнообразны, они варьируют от культуры к культуре. Базовыми и универсальными признаками являются язык, ценности, религия, историческая память, представления о родной земле, миф об общих предках, национальный характер, искусство [16]. Территория или родной язык могут выполнять символические функции. Так, представители этноса в повседневной жизни могут не говорить на родном языке (например, представители малочисленного коренного народа России или коренное население Казахстана в СССР) или не владеть территорией, которую считают своей прародиной (например, евреи до основания государства Израиль), и тем не менее рассматривать язык своего народа и территорию его происхождения как важные признаки своей этнической принадлежности. Если на какой-либо этнический признак (язык, религию) оказывает давление центральная власть, его значение возрастает.

Этнос, как относительно стабильная большая социальная группа, выполняет важные *психологические функции*: ориентации в социальном мире, защиты личности. Осознание принадлежности к этнической группе особенно важно для людей в сложные исторические периоды, когда стремительно происходят социальные изменения (например, при распаде СССР). С 60–70 гг. XX века и до наших дней весь мир, от традиционных до постиндустриальных культур, переживает этническое возрождение. Растет интерес людей к культуре своего этноса, обычаям и традициям своего народа. Это явление вызвано многими причинами. Среди них – экономическое разделение труда, повышение роли больших социальных групп и их сплочение благодаря средствам массовой коммуникации (например, социальным сетям), рост непосредственного взаимодействия представителей разных культур благодаря туризму, студенческим обменам, трудовой ми-

грации. Взаимодействие представителей разных культур способствует осознанию людьми культурных различий, этнической и культурной принадлежности.

«Культура» – еще одно важное понятие этнопсихологии. Культура является предметом исследования разных научных отраслей. Существует множество определений культуры. В частности, М. Херсковиц определяет **культуру** как «часть человеческого окружения, созданного самими людьми» [16, с. 22]. Этнопсихология изучает психологические аспекты культуры: ценности, установки, представления, систему отношений, способы разрешения конфликтов и т. п. Г. К. Триандис утверждает, что предметом этнопсихологии является субъективная культура [17]. Т. Г. Стефаненко определяет *субъективную культуру* как «общие для ее носителей представления, идеи и убеждения о созданной людьми части человеческого окружения» [16, с. 23].

Важнейшей функцией культуры является осмысление мира [14]. В период социальных изменений (Великая русская революция 1917 г.; распад СССР) происходит трансформация социальных норм и ценностных ориентаций, поэтому люди пребывают в растерянности, испытывают интенсивные негативные чувства, социальный мир перестает для них быть осмысленным. Люди испытывают трудности при адаптации к новой социальной реальности, сопоставимые с трудностями адаптации к инокультурной среде.

Т. Г. Стефаненко называет три тенденции в понимании культурных различий: *абсолютизм, универсализм, релятивизм* [16]. Для оценки культурных различий предлагается использовать два критерия. Первый основан на оценке равноценности, равнозначности культур, а второй критерий – на наличии или отсутствии культурных различий. Отсюда возникают следующие *четыре тенденции*.

Этноцентризм основан на идее культурного превосходства. Все мировые культуры не равны по значению и неодинаковы по сущности.

Абсолютизм основан на идее одинаковости культур. Однако между культурами не существует равенства. Одни культуры цивилизованные, другие – примитивные, первобытные, одни культуры превосходят другие.

Универсализм нацелен на поиск «общих знаменателей», или универсалий, с помощью которых все народы могут понимать друг друга и общаться. Культурный универсализм предлагает метод плавления – формирование однонациональной страны из многонациональной. Подобная идея доминировала в СССР при формировании единой общности – советского народа. Идея универсализма характерна для политики глобализации – создания единой мировой политической, экономической, культурной общности. Применение теории универсализма на практике ведет к росту национального самосознания, сопротивлению универсализации культур,

активизации национальных движений и движения антиглобализма. Теоретически идеи культурного универсализма разрабатывали американские социологи и культурологи К. Леви-Стросс (C. Levi-Strauss, 1908–2009), П. А. Сорокин (1889–1968), А. Кребер (A. Kroeber, 1876–1960), Т. Парсонс (T. Parsons, 1902–1978).

Релятивизм основан на идее равноценности культур при признании значительных культурных различий. Поворот в понимании взаимоотношений культур совершили Л. Леви-Брюль (L. Levy-Bruhl, 1857–1939), Ф. Боас (F. Boas, 1858–1942), Р. Линтон (R. Linton, 1893–1953), Р. Бенедикт (R. Benedict, 1887–1948), К. Клакхон (C. Kluckhohn, 1960). Франц Боас провозгласил **главный принцип релятивизма: культуры равные, но разные**. Релятивизм предполагает отрицание этноцентрической позиции, выход за пределы своей культуры и попытку сочувствия и понимания другой культуры. Признание идей релятивизма требует проявления толерантности представителями разных культур, понимания и принятия равнозначности культур, равноправия представителей различных этносов в обществе, уважения к личности, ее культуре, обычаям и традициям, верованиям и ценностям.

Английский культуролог и психолог Р. Д. Льюис (R. D. Lewis) отмечает, что наука находит все новые свидетельства того, что люди сходны во внутреннем, нравственном, этическом измерении и различаются во внешних проявлениях, в обычаях, ритуалах, одежде, поэтому в последнее время актуальным становится сочетание принципов культурного универсализма и релятивизма [9].

В зарубежной психологии этнопсихологические проблемы изучаются в рамках кросс-культурной психологии, культурной психологии, индигенных психологий. Кросс-культурная психология (сравнительно-культурная психология) изучает общие черты и культурные различия в психологических феноменах. Сравнительно-культурные исследования проводятся в разных отраслях психологии: общей психологии, психологии личности, организационной психологии, психологии развития. Сравнительно-культурный подход помогает сопоставить результаты исследований феномена (дружбы, атрибуции достижения успеха) в разных культурах, в то же время необходимо использовать корректные категории сравнения. Для обеспечения корректности межкультурных сравнений разработаны процедуры, о которых рассказано ниже.

Культурная психология рассматривает культуру и психологию в неразрывной связи. Индигенные психологии создавались психологами, не принадлежащими к западной культуре, стремившимися понять родную культуру изнутри, с учетом социального и культурного контекста: ценностей, норм, религии [16]. На рубеже XX и XXI вв. изучение отдельных культур в рамках индигенных психологий сменилось изучением культурных и религиозных регионов мира.

В настоящее время существуют два подхода к изучению культурных различий: *etic* и *emic* подходы. **Emic подход** предполагает изучение одной культуры с точки зрения ее представителей. В рамках *emic* подхода не выдвигаются гипотезы, поскольку считается, что выдвигание гипотез способствует предвзятости и этноцентричности исследователя. Применение *emic* подхода предполагает составление словарей понятий изучаемой культуры и использование культурно специфических категорий анализа. В рамках *emic* подхода работают культурные антропологи (этнологи), представители культурной психологии. Этот подход также называют качественным.

Etic подход – сравнительный анализ нескольких культур с применением универсальных категорий, предполагающий выдвигание гипотез. Исследователь стремится объективно изучить культуру, занимает позицию постороннего наблюдателя. Этот подход называют количественным. Г. К. Триандис (H. C. Triandis) и Дж. Берри (J. Berry) утверждают, что при проведении сравнительно-культурных исследований необходимо применять оба подхода [16]. На первом этапе необходимо выделить универсальные категории исследования, на втором – провести анализ их специфики в определенной культуре (как интерпретируется это понятие в той или иной культуре), на третьем – провести *etic* исследование с учетом культурной специфики. Например, в разных культурах придается разное значение психологическим и соматическим проявлениям депрессии [11].

И. С. Кон выделил три группы методов этнопсихологических исследований: этнографические методы, историко-культурные методы, социально-психологические методы [14]. Этнографические методы исторически возникли раньше других, они заключаются в наблюдении и описании быта, традиций, социальных норм той или иной этнической группы. Этнографические методы широко применяются в этнологии, культурной антропологии (например, исследования М. Мид социализации девушек на острове Самоа в Тихом океане). Этнографические методы позволяют выявить стереотипы поведения, особенности вербальной и невербальной коммуникации. Вторая группа методов: историко-культурные методы (изучение мифов, легенд, сказаний, эпоса). Третья группа – социально-психологические методы: наблюдение, опрос, эксперимент, анализ документов (писем, дневников). Опросные методы широко применяются при изучении межэтнических отношений, личностные опросники – при изучении личности в разных культурах. Целью контент-анализа биографических документов (писем, дневников) является изучение мотивов поведения, чувств, стереотипов, представлений представителей той или иной культуры. Экспериментальные исследования проводятся с целью изучения психических процессов (мышление, память, эмоции, восприятие), межэтнических установок, социального восприятия [14].

К исследованиям, проводимым с участием представителей разных культур, предъявляются определенные требования. Российский психолог А. Р. Лурия сформулировал три основных требования к этнопсихологическим исследованиям познавательных процессов. Во-первых, исследование должно быть направлено на изучение процесса, а не только результата познавательной деятельности. Во-вторых, перед проведением исследования ученый должен тщательно изучить социальные, экономические условия жизни людей, их культуру: особенности общения, стереотипы поведения, уклад и т. п. В-третьих, необходимо использовать разнообразные приемы исследования. Процесс исследования должен быть динамичным [14].

Д. Мацумото (D. Matsumoto) сформулировал четвертое требование конгруэнтности выборок из разных культур по социально-экономическим показателям [11]. Так, студенческую выборку из Германии нужно сравнивать со студенческой выборкой из Китая, а не с китайской сельской молодежью, имеющей начальное образование. Сравнение голландских врачей с 20-летним опытом работы с молодыми специалистами из России так же будет некорректным. Пятое требование: предъявление методик исследования на родном языке респондентов и обеспечение эквивалентности параллельных форм тестов. Для этого используются методы обратного перевода и экспертной оценки. Обратный перевод осуществляется следующим образом: оригинальный текст переводится на родной язык будущих респондентов. После этого переведенный текст предлагается переводчику, не знакомому с оригинальным текстом. Затем два варианта текста сопоставляются, в случае выявления неточностей, расхождений процедура повторяется до тех пор, пока расхождения не станут несущественными, а тексты не будут практически эквивалентными. Шестое требование: проведение повторных исследований. Ценности, социальные нормы и другие аспекты культуры изменяются с течением времени, порой на протяжении жизни одного поколения. Седьмое требование: соблюдение этических норм. При планировании исследования очень важно проконсультироваться со специалистами, которые знакомы с местной культурой, ее социальными нормами. Исследование, этически приемлемое в одной культуре, может оказаться неприемлемым в другой. Участникам исследования должна быть предоставлена подробная информация о процедуре исследования, возможности в любое время прекратить участие в исследовании. Исследователи должны принять все необходимые меры, чтобы не допустить причинения вреда участникам исследования.

1.2. История становления и развития этнопсихологии

Этнопсихология как самостоятельная отрасль научного знания сформировалась одной из первых среди психологических отраслей. У ее истоков были известные специалистам по общей и социальной психологии

труды М. Лацаруса и Г. Штейталя, а также основателя первой в мире психологической лаборатории В. Вундта. Как и многие другие дисциплины, этнопсихология имеет большую предысторию. Элементы этнопсихологических знаний можно найти в трудах древнегреческих и древнеримских философов и историков: Геродота, Тацита, Гиппократы и других. Так, Геродот описывает черты характера, нравы и обычаи скифов, сравнивая их с греческими обычаями и традициями. При объяснении различий между греками и скифами он обращает внимание на различия природы местностей, где живут одни и другие народы, и образа их жизни. Как отмечает Т. Г. Стефаненко, подход Геродота не является подлинным *etic* подходом, поскольку Геродот рассматривает традиции и обычаи греческого общества своего времени как эталон, с которым сравнивает традиции и обычаи всех остальных народов [16].

В Средние века в связи с большей ограниченностью контактов европейцев с жителями других регионов, а также их религиозной нетерпимостью описание других народов становится менее объективным и более оценочным. Серьезные попытки научных исследований в данной сфере стали предприниматься только в XVIII в. французскими философами-просветителями. В качестве основных факторов, определяющих культурные различия, рассматривались климат и среда. Французский философ Ш.-Л. Монтескье считал, что по мере развития цивилизации роль природных, климатических факторов снижается, а роль традиций, обычаев, законов возрастает [16]. Впоследствии у немецких философов возник интерес к изучению народного творчества как средства познания характера, «души» народа.

Рождение научной этнопсихологии связывается с началом издания М. Лацарусом и Г. Штейталем в 1859 г. в Германии «Журнала психологии народов и языкознания». Появление этнопсихологии именно в Германии обусловлено высокой актуальностью проблем культуры, этнического самосознания для этой страны, в которой происходило объединение небольших княжеств в единое государство. Лацарус и Штейталь рассматривали народ как самую значимую из социальных групп, к которым принадлежит человек, что было созвучно политическим событиям в Германии того времени. Подход Лацаруса и Штейталя не был социально-психологическим в подлинном смысле: психология народов практически отождествлялась с психологией отдельных людей, но отмечалось, что множество людей составляют народ тогда, «когда дух народа связывает их в единое целое» [16, с. 38]. Ученые рассматривали историческую этнопсихологию как объяснительную науку, а психологическую этнологию – как описательную.

В Российской империи программа Лацаруса и Штейталя вызвала большой интерес, поскольку этническая проблематика была актуальна в многонациональной стране, однако отечественные исследователи не пред-

ложили единую программу исследования. Отечественные историки (Н. М. Карамзин, В. П. Ключевский) и писатели (А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, А. К. Толстой) размышляли о психологических особенностях представителей российской культуры. Так, А. К. Толстой посвятил описанию и размышлению о разных периодах истории России, русском национальном характере многие свои произведения (роман «Князь Серебряный», трилогию «Смерть Иоанна Грозного» – «Царь Федор Иоаннович» – «Царь Борис», баллады и стихотворения). Писатель рассматривал монголо-татарское иго как драматический период российской истории, который способствовал увеличению дистанции власти, беспрекословному подчинению нижестоящих вышестоящим. Попытки научного исследования психологических особенностей народов России предпринимались в рамках географии. И. Н. Надеждиным была предложена и разослана во многие губернии Российской империи программа исследований, по которой сведения собирались добровольцами (помещиками, чиновниками, священниками). По итогам программы было опубликовано несколько научных работ, но в целом результаты исследования не были систематизированы.

Тем временем в Германии В. Вундт (W. Wundt) предложил собственную концепцию развития психологии народов как объяснительной науки в работе «Психология народов». Подход Вундта по сравнению с подходом Лацаруса и Штейнталя был ближе к современной социальной психологии: Вундт утверждал, что взаимодействие людей порождает новые законы, не сводимые к законам индивидуальной психологии, поэтому для изучения психологии народов необходимо использовать иные методы, нежели для изучения психологии человека. Вундт предлагал исследовать язык, мифы и обычаи народов.

В Российской империи применять историко-культурные методы для изучения этнопсихологии предлагал К. Д. Кавелин. Однако в споре сторонника естественнонаучной психологии И. М. Сеченова, рассматривавшего психику как процесс, и сторонника гуманитарной психологии Кавелина, победил подход Сеченова, как следствие, этнопсихологические проблемы не изучались в рамках психологии, а были предметом исследований философов, историков, языковедов [16].

В советской России попытка создания этнопсихологии была принята Г. Г. Шпетом. Ученый разработал программу исследования этнопсихологии как описательной науки. Шпет полагал, что этнопсихология должна изучать не мифы, обычаи, нравы, религию или науку определенной этнической общности, а отношение к ним ее представителей. В качестве предмета этнопсихологии ученый выделил коллективные переживания, которые представляют собой единство когнитивного и эмоционального компонентов. С точки зрения Шпета, этнопсихологии следует изучать типиче-

ские коллективные переживания, т. е. возникающие у типичного представителя данной этнической культуры [16]. Что вызывает у народа восхищение, а что презрение? К сожалению, ученый был репрессирован и расстрелян. После 1930-х гг. этнопсихология была запрещена и исследованиями в этой области занимались специалисты из смежных научных областей.

В начале XX в. начали проводить экспериментальные психологические исследования. Первыми стали исследования познавательных процессов [14]. За рубежом в первой половине XX в. изучение культур и этносов проводилось в основном в рамках культурной антропологии. Исследованием психологических аспектов культуры этносов занимались представители направления «Культура и личность». Изначально они опирались на идеи Вундта, но очень скоро теоретической основой их работ стал психоанализ З. Фрейда, гуманистический психоанализ Э. Фромма и К. Хорни, гуманистическая психология А. Маслоу. Представители направления «Культура и личность» отказались от идей Вундта и строили свои исследования на основе индивидуальной, а не социальной психологии [16]. В центре внимания представителей этого направления были проблемы личности, в том числе социализация личности и сексуальной сферы.

Р. Бенедикт (R. Benedict) была выдвинута идея о том, что каждая культура осуществляет отбор фундаментальных представлений, социальных норм и ценностей. Так, деньги, технологии или искусство могут высоко цениться в одной культуре и практически не иметь цены с точки зрения представителей другой. Бенедикт рассматривала культуру как «личность, отброшенную на большой экран» [16, с. 47]. А. Кардинер (A. Kardiner) предложил понятие базовой личности. Конструкт «базовая личность» означает личность, наиболее соответствующую ожиданиям и потребностям этнической общности на современном этапе ее развития. Будучи сторонником психоанализа, исследователь рассматривал формы ухода за младенцем как предпосылки формирования базовой личности, позднее гипотеза об однозначной детерминации личности условиями ухода в младенческом возрасте была отвергнута исследователями. Впоследствии конструкт «базовая личность» был заменен понятием «модальная личность», предложенным Р. Линтоном (R. Linton). Модальная личность – это самый распространенный в данной культуре в данный исторический период тип личности. Линтон подчеркивает, что необходимо разделять социально желательную структуру личности и модальную личность.

Американский психолог китайского происхождения Ф. Хсю (F. Hsu) предложил новое направление культурной антропологии: психологическая антропология. Исследователи поставили цель учитывать внутрикультурные различия и роль межкультурных контактов. Психологическая антропология рассматривалась ими как междисциплинарная область, которая базируется на результатах психологических, социологических, философ-

ских исследований. Хсю рассматривал социальные представления как одну из наиболее фундаментальных характеристик культуры, указывал, что они совпадают у большинства представителей культуры. В рамках психологической антропологии проводились разные тематические исследования, наибольшее внимание уделяется социализации, национальному характеру, норме и патологии [16].

В дальнейшей истории этнопсихологии и кросс-культурной психологии стали проводиться кросс-культурные исследования в рамках *etic* подхода, изучались фундаментальные представления и ценностные ориентации, «культурные измерения» в культурах мира. Были проведены масштабные сравнительно-культурные исследования в рамках различных отраслей психологии, о которых пойдет речь в следующих главах. Сравнительно-культурные исследования направлены на поиск культурных универсалий и специфических особенностей психологических феноменов в разных культурах.

Л. Г. Почебут отмечает, что важным этапом развития этнопсихологии и кросс-культурной психологии явилось возникновение практической этнической и кросс-культурной психологии [14]. На этом этапе этнопсихологические знания стали применяться для решения практических задач: адаптации студентов, сотрудников организаций к учебе/работе в инокультурной среде. У истоков практического применения этнопсихологического и кросс-культурного знания стоял американский психолог греческого происхождения Г. К. Триандис (Harry C. Triandis), который разработал технологию культурного ассимилятора. В процессе работы с культурным ассимилятором участникам предлагается выявить действительную причину поведения представителей другой культуры из четырех данных вариантов. Практическая этнопсихология весьма востребована в современном мире в связи с проблемами адаптации мигрантов, толерантности, успешной межкультурной коммуникации.

2. ЭТНОПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

2.1. Психические процессы и культура

Сравнительно-культурные исследования психических процессов стали первыми в истории этнопсихологического знания. Исследованием восприятия занимался британский антрополог и психолог У. Риверс (W. Rivers) на островах пролива Торреса, на Новой Гвинее и в Южной Индии в начале XX в., в 1905 г. Исследователи решили проверить, насколько утверждения путешественников о необычайной остроте зрения представителей традиционных культур соответствуют действительности. У представителей традиционных и современных западных культур изучали сенсор-

ные способности: остроту зрения, восприятие цвета и пространства, подверженность зрительным иллюзиям, остроту слуха, обоняние, вкус, тактильную чувствительность [16]. Риверс придерживался гипотезы нулевой суммы: предполагал, что причиной необычайного развития сенсорных способностей у традиционных народов было слабое развитие интеллектуальных способностей. Важным преимуществом исследования, проведенного Риверсом, было сравнение остроты зрения представителей традиционных культур, занимающихся рыболовством, с остротой зрения немецких рыбаков с острова Гельголанд. Результаты исследования не выявили статистически достоверных различий в сенсорных способностях представителей традиционных культур и современных западных культур (Англии и Германии). В то же время в некоторых случаях рыбаки из представителей традиционных культур демонстрировали высокую остроту зрения, которую исследователь объяснил условиями их жизни, требовавшими внимания к мельчайшим деталям природного мира. Впоследствии вместо компенсаторной гипотезы о негативной взаимосвязи восприятия и интеллекта, была предложена гипотеза сенсотипа – преимущественного развития тех или иных сенсорных модальностей у представителей разных рас. Гипотеза приобрела популярность у представителей творческих профессий, которые стали противопоставлять сенсотип своей расы сенсотипам других рас. Серьезного научного подтверждения гипотеза не нашла, и в настоящее время понятие сенсотипа не применяется в научной психологии [16]. Таким образом, различия в сенсорных процессах представителей разных этносов объясняются прежде всего условиями жизни и особенностями культуры.

Восприятие цвета представителями разных культур – одна из наиболее распространенных тем сравнительно-культурных исследований: исследования в этой области служили инструментом проверки гипотезы лингвистической относительности Сепира-Уорфа. В какой степени грамматика языка определяет особенности мышления? Если в родном языке представителей одного этноса существует множество слов для обозначения тончайших нюансов природного явления (снега, дождя), а в языке другого этноса есть только одно слово или ни одного, то означает ли это, что представители первого этноса способны ярче воспринимать и передавать в речи особенности этого природного явления? Как отмечают ведущие представители культурной психологии, если была бы верна крайняя версия гипотезы лингвистической относительности, люди могли бы понимать только те явления, которые закодированы в их языке, что крайне затруднило бы межкультурную коммуникацию. К счастью, эмпирические данные не свидетельствуют в пользу подтверждения крайней версии гипотезы [16].

Согласно слабой версии гипотезы о лингвистической относительности языки отличаются друг от друга «не столько тем, что в них можно выразить, сколько тем, что в них легче выразить» [16, с. 63]. Ученые предпо-

ложили, что если в языке этноса отсутствуют названия какого-либо цвета, то представители этого этноса будут испытывать большие трудности при распознавании этого цвета, в отличие от представителей этноса, в языке которого присутствует такое название. Это предположение нашло эмпирическое подтверждение. В языке индейцев зуни не различаются обозначения желтого и оранжевого цветов. Индейцы зуни, говорившие только на родном языке, делали больше ошибок при узнавании этих цветов, по сравнению с индейцами, говорившими только на английском языке либо на родном и английском [16].

Американские культурантропологи Б. Берлин (В. Berlin) и П. Кей (Р. Kay) на основе эмпирических исследований и анализа 78 языков пришли к выводу, что 11 базовых цветов являются универсальными во всех языках мира и их кодирование исторически происходило в языках мира в строгой последовательности: первоначально белый и черный цвета, затем красный, потом зеленый либо желтый и т. д. (Berlin W., Kay P. Basic Color Terms. Their Universality and Evolution. Berkeley, 1969). В некоторых языках до настоящего времени есть термины для обозначения лишь нескольких цветов. В настоящее время получены эмпирические данные, опровергающие предположение об универсальности 11 цветовых категорий: представители народности беринмо (Новая Гвинея) лучше запоминают не базовые цвета, а цвета, для которых есть названия в их языке: нол (синий, зеленый, фиолетовый) и уор (желтый, оранжевый, коричневый). В целом, результаты исследований подтверждают слабость гипотезы лингвистической относительности. А. Вежбицкая (А. Wierzbicka) показала, что фокусные цвета (белый, черный, желтый, красный, зеленый, синий) имеют прототипы в явлениях окружающей среды: белый – день; черный – ночь; красный – огонь; зеленый – растительность; синий – небо (Вежбицкая А. Язык, культура, познание. М., 1997).

Д. С. Барлетт (D. Barlett) проводил сравнительно-культурные исследования памяти. Ученый показал, что закономерности процессов памяти (например, эффект первичности – первое впечатление, произведенное человеком, влияет на наши последующие представления о нем), и способности к запоминанию являются универсальными. В то же время представители разных этносов разрабатывают специальные процедуры для запоминания информации в наиболее значимых для них сферах жизни. Так, представители африканского народа банту, повседневная жизнь которых связана со скотоводством, являющимся основой их экономики и культуры, легко могут опознать свою корову или быка среди множества других животных [14].

Всемирную известность получили сравнительно-культурные исследования базовых эмоций, проведенные П. Экманом (Р. Ekman) и его коллегами. Экман занимался эмпирическими исследованиями как в современных культурах Европы, Америки и Азии (США, Китая, Японии и других

стран), так и в первобытных культурах Папуа – Новой Гвинеи. Для исследования эмоций в первобытных культурах Экман использовал следующий способ: он предъявлял фотографии людей, переживающих разные эмоции (страх, гнев, стыд, радость, удивление, смущение), представителям первобытных культур и просил их рассказать историю, соответствующую данной фотографии. После того как было собрано достаточное количество историй для каждой эмоции, ученый приступил к следующему этапу исследования: он рассказывал участникам исследования одну из историй и просил их выбрать фотографию, соответствующую этой истории. Результаты исследования показали, что как представители первобытных культур, так и представители современных культур успешно распознают шесть перечисленных выше базовых эмоций [19]. Некоторые трудности возникали с различением страха и удивления. В то же время дальнейшие исследования показали, что существуют культурные правила выражения эмоций в социальном взаимодействии. Так, традиционная японская культура запрещает выражение интенсивных эмоций и предписывает заменять их улыбкой. Социальные нормы в США и России не одобряют выражение мужчинами страха и печали [16]. В культурах мира социальные нормы выражения эмоций меняются с течением времени и под влиянием межкультурного взаимодействия.

Сравнительно-культурные исследования показали, что в разных культурах представления об интеллекте варьируют. Если в западном обществе интеллект прежде всего предполагает способность логически мыслить и четко излагать свои мысли, решать проблемы, то в восточных культурах Китая и Японии, культурах стран Африки большое внимание уделяется социальному интеллекту. Исследования, проведенные в странах «черной» Африки, показали, что в культуре этих стран интеллект предполагает умение поддерживать гармоничные межгрупповые и внутригрупповые отношения. Представители китайской культуры в числе качеств, присущих интеллектуальной личности, выделяют моральные качества (ответственность перед обществом) и подражание, а представители японской – способность к децентрации, скромность, умение слушать. В представлениях русских об умном человеке также большое значение придается социальным умениям. При характеристике интеллигентного человека особое внимание уделяется морально-этическим характеристикам [16].

Г. Гарднер (H. Gardner) предложил теорию множественного интеллекта. Ученый утверждает, что представителям разных культур на разных этапах исторического развития для успешной социальной адаптации требовались разные способности. Гарднер выделяет семь видов интеллекта: лингвистический, логико-математический, двигательный, пространственный, музыкальный, внутриличностный и межличностный [3].

Роль формального образования в развитии мышления изучал в 1930-е гг. в СССР А. Р. Лурия (Лурия А. Р. Этапы пройденного пути: Научная автобиография. М., 1982). Ученый исследовал особенности мышления узбекских мужчин и женщин с разным уровнем формального образования (неграмотных, окончивших краткосрочные курсы, принятых в учительский техникум после двух – трех лет обучения). Согласно своему подходу Лурия не пользовался стандартными психометрическими методиками, а в ходе беседы предлагал респондентам задачи. При решении задач неграмотные узбеки ориентировались на практический опыт и цели. Результаты исследования свидетельствуют о большой роли формального образования в развитии теоретического мышления.

2.2. Этнокультурная вариативность социализации

Пожалуй, большинство специалистов в области наук о человеке согласятся с тем, что наибольшие достижения этнопсихологии связаны с изучением проблем социализации. Некоторые теоретики даже выделяют этнографию детства в качестве самостоятельной субдисциплины, имеющей собственные теории и методы исследования. Современные сравнительно-культурные исследования социализации детей охватывают широкий круг тем, которые условно можно разделить на четыре группы:

1. Изучение социализации, ее средств, методов и специфических способов освоения детьми культуры своего народа.

2. Исследование взаимосвязи воспитания детей и других аспектов жизнедеятельности общества. Особое внимание уделяется социальным институтам, определяющим цели и средства воспитания и контролирующим его результаты.

3. Сравнение обусловленных культурой непосредственных результатов социализации. Исследователей интересует, чем отличаются дети, выросшие в разных социокультурных средах, каковы их ценности, идеалы, стереотипы поведения.

4. Изучение отдаленных результатов социализации, т. е. присущей культуре взаимосвязи методов воспитания ребенка и характера взрослого человека, как известно, исходной проблемы теории «Культура и личность».

Но какие бы проблемы ни изучались, все они связаны с вхождением ребенка в культуру своего народа – инкультурацией, если пользоваться термином, который ввел в культурантропологию М. Дж. Херсковиц (M. J. Herskovits). Разделяя понятия *социализации* и *инкультурации*, под первой Херсковиц понимает интеграцию индивида в человеческое общество, приобретение им опыта, который требуется для исполнения социальных ролей. А в ходе инкультурации, по его мнению, индивид осваивает

присущие культуре миропонимание и поведение, в результате чего формируется его когнитивное, эмоциональное и поведенческое сходства с представителями данной культуры и отличия от представителей других культур. Инкультурация начинается с рождения – с приобретения ребенком первых навыков и освоением речи, а заканчивается, можно сказать, со смертью. Инкультурация происходит по большей части не в специализированных институтах социализации, а под руководством старших на опыте, т. е. без специального обучения. Конечный результат инкультурации – человек, компетентный в культуре: в языке, ритуалах, ценностях и т. п. Однако Херсковиц подчеркивает, что процессы социализации и инкультурации протекают одновременно, и без вхождения в культуру человек не может существовать и как член общества.

Херсковиц выделяет два этапа инкультурации, единство которых на групповом уровне обеспечивает нормальное функционирование и развитие культуры: детство и зрелость.

В детстве происходит освоение языка, норм и ценностей культуры. Ребенок, по мнению Херсковица, хотя и не является пассивным элементом инкультурации, скорее инструмент, нежели игрок. Взрослые, применяя систему наказаний и поощрений, ограничивают его право выбора или оценки.

Хотя «инкультурация индивида в первые годы жизни – главный механизм стабильности и непрерывности культуры», она не может привести к полному повторению предыдущих поколений. Результат инкультурации может находиться в любой точке континуума, между точным и безусловным освоением культуры новым поколением (с едва уловимыми различиями между родителями и детьми) и полной неудачей в ее передаче (с детьми, абсолютно не похожими на родителей). Если вспомнить классификацию культур (Мид М. Культура и мир детства. М., 1988), то первый вариант инкультурации характерен для постфигуративных культур, а второй – для префигуративных.

Вхождение в культуру не заканчивается с достижением человеком совершеннолетия. Но инкультурация взрослых имеет прерывистый характер и касается только «фрагментов» культуры: изобретений, открытий, новых, пришедших извне идей. Основная черта этапа зрелости – возможность для индивида в той или иной мере принимать или отбрасывать то, что ему предлагается культурой, возможность дискуссии и творчества. В этот период инкультурация открывает дорогу изменениям и способствует тому, чтобы стабильность не переросла в застой, а культура не только сохранялась, но и развивалась.

Используя – вслед за Херсковицем – понятие инкультурации, исследователи сталкиваются с серьезными трудностями при попытках отграничить его от понятия социализации, тем более что последнее имеет множество толкований. Так, М. Мид понимает под социализацией социальное

научение вообще, а инкультурацию рассматривает как «реальный процесс научения, как он происходит в специфической культуре» (Культура и мир детства, 1988).

В настоящее время в этнопсихологии используется еще одно понятие: «культурная трансмиссия», включающее процессы инкультурации и социализации и обозначающее механизм, с помощью которого этническая группа «передает себя по наследству» новым членам, прежде всего детям (Павленко В. Н., Таглин С. А. Факторы этнопсихогенеза. Харьков, 1993). Используя культурную трансмиссию, группа может увековечить свои особенности в последующих поколениях с помощью основных механизмов научения. Обычно выделяются три вида трансмиссии:

- вертикальная – в процессе которой культурные ценности, умения, верования и прочее передаются от родителей детям;
- горизонтальная – при которой с рождения до взрослости ребенок осваивает социальный опыт и традиции культуры в общении со сверстниками;
- «непрямая» – при которой индивид обучается в специализированных институтах социализации (школах, вузах), а также на практике – у окружающих взрослых (родственников, старших членов общины, соседей и т. п.), помимо родителей.

Совершенно очевидно, что никогда не было и не может быть не зависящей от культуры «общей иерархии степени влияния и социальной значимости социализаторов» (Кон И. С. Ребенок и общество: историко-этнографические перспективы. М., 1988). Если с точки зрения обыденного сознания современного европейского общества родители, и в первую очередь мать, – главные и естественные социализаторы, выполняющие все перечисленные функции, то во многих более традиционных культурах ребенок принадлежит не только отцу и матери, но и всей общности, в которой он живет, и общность принимает непосредственное участие в его воспитании. Этнографы отмечают «подвижность» детей у многих народов Океании даже в середине XX в.: на одном из островов в 1950–1960-е гг. 61 % детей жили не в родительской семье, причем многие переходили из одной семьи в другую дважды, трижды и даже четырежды (Бутинов Н. А. Детство в условиях общинно-родового строя. В кн. «Этнография детства. Традиционные методы воспитания детей у народов Австралии, Океании и Индонезии». М., 1992).

Обязательное воспитание детей вне родительской семьи было широко распространено и в раннеклассовом обществе. Даже смысл терминов «родство», «отец», «мать» в некоторых культурах может значительно отличаться от привычного для европейца. «Первобытный человек хорошо знал, какая женщина его родила, и все же называл многих женщин термином «мать». Первобытный человек действительно знал, кто его отец, и от-

личал его (в том числе и терминологически) от других «отцов», только в слово «отец» он вкладывал совсем иной, отличный от нашего, смысл» (Бутинов Н. А. Детство в условиях общинно-родового строя. С. 7). В первобытном обществе многие народы различают физическое и социальное родство и понимают последнее как родство по кормлению. В этом случае, если ребенок попадает в новую семью, его родителями становятся те, кто растит, кормит (создает плоть) и воспитывает. При этом он продолжает называть «отцом» и «матерью» многих других мужчин и женщин, в том числе и биологических родителей (Бутинов Н. А. Детство в условиях общинно-родового строя).

Ребенка с момента рождения кормят грудью разные женщины, его часто передают с рук на руки, а когда он подрастет – из дома в дом. Не только родственники, но и другие соплеменники обучают его нормам поведения, трудовым приемам, правам и обязанностям по отношению к окружающим. Такое «общественное» воспитание «приводит к тому, что ребенок привыкает думать о мире как о чем-то, что наполнено родителями, а не как о месте, где его безопасность и благополучие зависят от сохранения его отношений со своими собственными родителями» (Мид М. Культура и мир детства. М., 1988).

О том, что роль одних и тех же социализаторов в разных культурах неодинакова, свидетельствуют не только сопоставления первобытного и современного обществ, но и сравнительно-культурные исследования, проведенные в «цивилизованном» мире. В 1970-е гг. У. Бронфенбреннер (U. Bronfenbrenner) сравнивал роль родителей, других взрослых и сверстников в процессе социализации детей в США и СССР. Одной из особенностей советского воспитания он считал «перепоручение материнских обязанностей – готовность посторонних лиц принимать на себя роль матери» (Бронфенбреннер У. Два мира детства: дети в США и СССР. М., 1976. С. 17). Отмеченная исследователем особенность трансмиссии культуры свидетельствует о большей традиционности советской культуры в сравнении с американской.

Э. Х. Эриксон (E. H. Erikson) приписывал «разделение и размывание материнства» и традиционной культуре крестьянской России, в которой, по его словам, существовали «градации и уровни материнства», а «представителем образа матери периода младенчества» являлась бабушка (Эриксон Э. Г. Детство и общество. СПб., 2000. С. 514–515). В русской до-революционной деревне, кроме родителей, непосредственное и очень значительное участие в воспитании детей принимали члены большой семьи и всего крестьянского мира. А в Советском Союзе главным социализатором было само государство, поэтому его граждане не считали себя «посторонними лицами» и претендовали на участие в воспитании чужих детей.

2.3. Культура и личность

Одним из основных и важнейших предметов кросс-культурных психологических исследований является личность. Психологов, антропологов и других представителей гуманитарной науки уже давно привлекала тема «национального характера», присущего носителям разных культурных традиций, а также интересовал вопрос, в какой степени понятие личности, сформированное в западной психологической науке, применимо к другим культурным контекстам; в чем сходство и различия проявлений личности в разных культурах. Стремление ученых найти общую базу, опираясь на которую можно было бы говорить об индивидуальных различиях, и которая послужила бы фундаментом для формирования концепции личности, всегда сводит вместе понятие личности и понятие культуры независимо от того, на каком уровне – теоретическом или экспериментальном – и на каком культурном материале проводятся исследования.

В психологии **личность** понимается как совокупность относительно устойчивых поведенческих и когнитивных характеристик, черт и предрасположенностей, которые индивиду свойственно проявлять в самых разных ситуациях, в разных условиях внешней среды, при взаимодействии с другими людьми, и которые лежат в основе индивидуальных различий.

Концепция личности, разработанная в европейской и североамериканской психологии, предполагает в качестве условия постоянство и последовательность человеческих проявлений независимо от внешних условий, особенностей конкретной ситуации и характера социальных взаимодействий. Данная концепция соответствует представлениям о личности, имеющим давнюю традицию на Западе. Именно такой взгляд на личность положен в основу психоаналитической теории З. Фрейда, К. Юнга и А. Адлера. Эта концепция также послужила теоретической базой для гуманистического подхода А. Маслоу и К. Роджерса, теории черт Г. Оллпорта, бихевиористского подхода Б. Ф. Скиннера и когнитивного подхода Дж. Роттера, А. Бандуры.

Хотя каждый подход предлагает свое понимание механизмов развития личности, все подходы объединяет взгляд на личность, как на нечто постоянное и в значительной степени независимое от внешних обстоятельств и ситуаций. Многие ученые, среди которых есть и представители кросс-культурного психологического направления, придерживаются такого взгляда на личность и берут его за основу исследований разных культур.

С начала XX в. было выдвинуто несколько подходов, призванных отразить специфику взаимодействия культуры и личности, и разработан ряд методов для изучения характера их взаимоотношений. Первые попытки предприняли этнографы. Основывая свои теоретические построения прежде всего на материалах полевых исследований, такие ученые, как

М. Мид, В. Лабарр и Р. Бенедикт, разработали фундамент научного подхода к изучению культуры и личности, на котором базируется метод кросс-культурного сравнительного исследования личности, а также направление, известное в наши дни как **культурная психология**. Хотя многие представители психологической и культурной антропологии признают роль врожденных биологических качеств в формировании личности, они же признают, что личность культурно обусловлена и формируется под влиянием сил, функционирующих в специфической культурной среде. Такой взгляд предполагает, что личность является не функцией биологических и эволюционных факторов, а скорее результатом обучения и усвоения основных психологических механизмов, действующих в культуре благодаря участию индивида в типичных для этой культуры практиках.

Если первая половина XX в. ознаменована основными достижениями *этнографического подхода*, то вторая половина – достижениями *кросс-культурного психологического подхода*. В рамках второго подхода личность выступает в качестве самостоятельного и не обусловленного культурой явления и, соответственно, в качестве зависимой переменной в экспериментальных культурологических исследованиях. Независимыми переменными в этом случае будут две разные культуры (или более), которые сравниваются по параметрам, соответствующим исследуемым чертам или измерениям личности.

Кросс-культурные исследования направлены не только на поиск универсальных аспектов человеческой личности, но и на выявление культурно-специфических личностных черт, характеристик и паттернов. Представители данного подхода, находившиеся под влиянием этнографического взгляда на личность и методов ее изучения, рассматривали *индигенную личность* как культурно специфическую совокупность личностных черт и характеристик.

Для *культурной психологии* характерно рассмотрение культуры и личности не как отдельных феноменов, а как единой системы, элементы которой обуславливают и развивают друг друга. Культурно-психологический подход исходит из того, что психологические процессы, в данном случае природа функционирования (механизмы формирования) личности, не просто испытывают влияние культуры, а полностью определяются ею. В то же время этот подход предполагает, что совокупность личностей, действующих согласованно, формирует культуру. Личность и культура как феномены должны рассматриваться в качестве динамической и взаимообуславливающей системы, ни одна из сторон которой не может быть сведена к другой. Культурно-психологический подход отрицает общечеловеческие культурные универсалии, а также биологические и генетические механизмы, обуславливающие общность всех людей. Представители этого подхода утверждают, что, поскольку не существует двух одина-

ковых культур, между личностями, составляющими в совокупности данные культуры, также должны быть фундаментальные различия; ведь культура и личность обуславливают друг друга в пределах соответствующей культурной среды.

Между кросс-культурным подходом, подчеркивающим, что все наблюдаемые нами различия являются лишь поверхностными, а в сущности всех людей и все культуры объединяет единая природа, и культурно-психологическим подходом, утверждающим, что все люди и все культуры принципиально разные по природе, существует оппозиция. Хотя учеными собрано много данных, указывающих на универсальность некоторых аспектов личности, можно привести немало данных и в пользу существования феномена индигенной личности, а также свидетельствующих о существовании культурных различий, касающихся даже таких аспектов личности, которые принято связывать с представлениями об общечеловеческих этических ценностях. Кросс-культурной психологии в ближайшем будущем предстоит ответить на вопрос, каким образом можно совместить такие противоположные воззрения на человеческую природу и культуру.

На протяжении многих лет кросс-культурные исследования были одним из наиболее распространенных и авторитетных методов изучения взаимоотношений таких феноменов, как культура и личность. Типичный порядок такого исследования предусматривал составление выборки из представителей одной, а затем другой культуры, выбор инструмента измерения личности, тестирование представителей обеих групп и сравнение полученных результатов. Обнаруженные количественные различия в результате анализа ответов представителей двух культур по шкалам теста, измеряющим личностные характеристики, затем интерпретируются с точки зрения различий двух культур, касающихся ценностей, обычаев, образа жизни и особенностей поведения. Данный подход, хотя и довольно примитивный с методологической точки зрения, позволил собрать большое количество интересной и полезной информации, свидетельствующей как о сходстве, так и о различиях, связанных с проявлениями личности в разных культурах.

Одним из наиболее подробно изученных в ходе кросс-культурных исследований личностных концептов стал **локус контроля**. Это понятие было введено Дж. Роттером (J.V.Rotter), предположившим, что люди различаются по тому, в какой степени они склонны считать, что их поведение, характер взаимодействия с внешней средой и отношений с окружающими находятся в пределах их контроля. С этой точки зрения локус контроля, т. е. условная «точка в пространстве», в которую индивиду свойственно помещать источник влияния на его поведение и результаты действий, может восприниматься им либо как внутренний, интернальный, либо как внешний по отношению к себе, экстернальный (Rotter J. V. Generalized ex-

pectancies for internal versus external control of reinforcement. Psychological Monographs, 1996).

В ходе исследований, посвященных данной личностной характеристике, были выявлены сходства и различия представителей разных культур. В эмпирических исследованиях показано, что экстернальный локус контроля выражен у японцев и китайцев в большей степени, чем у американцев. Также было выявлено, что респондентам из США и Мексики, в отличие от респондентов из Таиланда и Японии, больше свойствен интернальный локус контроля. В то же время было бы упрощением утверждать, что представителям западных культур присущ интернальный локус контроля, а представителям восточных культур – экстернальный. В частности, эмпирические исследования показали, что культура Индии в сравнении с западными и ближневосточными культурами является более интернальной, а культура Японии – более экстернальной. Экстернальный локус контроля свойствен прежде всего шведам, в несколько меньшей степени – жителям Японии, Австралии, США и Новой Зеландии [7]. Метаанализ 90 исследований, посвященных проблеме локуса контроля в культурах мира, не выявил закономерностей, которые позволили бы сделать вывод о межкультурных особенностях выраженности экстернального и интернального локуса контроля. Т. Г. Стефаненко предполагает, что необходимо выделять культурно специфические единицы анализа и сравнения [16]. Социализация личности в определенной культуре способствует формированию представлений о том, какие нормы и формы поведения и каким образом человек и социальная группа считают возможным контролировать. Например, в Мексике был выявлен интернальный аффективный локус контроля: человек считает, что он способен оказывать влияние на действия людей из его социального окружения с помощью коммуникативных навыков, способности устанавливать контакт и поддерживать хорошие взаимоотношения с окружающими людьми [16].

Среди кросс-культурных исследований есть ряд работ, посвященных изучению конструкта самооценки и связанного с ним конструкта собственного достоинства. В ходе исследований, проведенных в США, получены многочисленные данные, свидетельствующие о присущей евроамериканцам глубоко укоренившейся привычке постоянно поддерживать определенный уровень самооценки и собственного достоинства. Для объяснения механизмов поддержания и повышения уровня собственной значимости, характерных для американцев, привлекаются такие концепты, как склонность к необъективности в свою пользу, защитные атрибуции, а также иллюзорный оптимизм. Результаты исследований говорят о том, что такие индивидуалистические тенденции в целом не характерны для представителей других этнических групп, в частности жителей стран Юго-Восточной Азии.

Кросс-культурные различия в самосознании нередко описывают с использованием терминов «взаимозависимое Я» и «независимое Я». Представители культур Дальнего Востока (Китая, Японии, Кореи) отличаются взаимозависимым Я и описывают себя в отношениях с другими и с опорой на их мнение («Я – дочь», «По мнению моих друзей, я застенчива»), а также с указанием социального контекста, в котором проявляется та или иная черта личности («В обществе малознакомых людей я обычно не очень разговорчива»). Представители индивидуалистических культур стран Западной Европы и США, как правило, описывают прежде всего свои личностные черты, а не социальные роли, не ссылаются на мнения знакомых и не используют социальный контекст, так как исходят из убеждения, что человек проявляет присущие ему личностные черты в разных социальных ситуациях [16].

Ученые предпринимали попытки построения моделей личностных черт, присущих представителям всех культур. Наиболее известные исследования в этой области – «Большая пятерка факторов: экстраверсия, доброжелательность, сознательность, эмоциональная устойчивость, интеллектуальная свобода». Черты личности были выделены Р. Мак-Креем (R. McCrae) на основе самоописаний и описаний других людей респондентов из США. Они измерялись с помощью опросника Neo-Pi-R. К 2008 г. исследования по модели «Большая пятерка факторов» были проведены с участием респондентов из 50 этносов. Результаты исследования подтвердили универсальность факторов [16]. В исследовании лексики личностных черт в русском языке А. Г. Шмелева подтвердились лишь четыре фактора из пяти. Фактор «эмоциональная зрелость» был заменен фактором «инфантильно-романтическое самовосприятие»: романтизм, чувствительность и импульсивность оценивались российской молодежью как положительные черты, а эмоциональная зрелость, напротив, как негативные. (Шмелев А. Г. Психодиагностика личностных черт. СПб., 2002). В исследованиях, проведенных с участием представителей китайской культуры, воспроизводились четыре-пять универсальных факторов, а также выделялся фактор «китайская традиция»: ориентация на межличностную гармонию, социальные отношения, сохранение как своего лица, так и лица партнера [16].

В целом результаты исследований свидетельствуют как о наличии универсальных личностных черт, так и об определенной культурной специфике в выделении личностных черт и их оценке в той или иной культуре.

2.4. Универсальные культурные параметры как социальные регуляторы

Согласно новаторской для этнопсихологического знания идее Р. Бенедикт, каждая культура совершает отбор ценностных ориентаций, представлений, норм поведения. Эта идея стала основой теоретических подходов ведущих специалистов культурной антропологии и кросс-культурной

психологии. Центральным понятием концепции Ф. Клакхона (F. Kluckhohn) и Ф. Стродбека (F. Strodtbeck) являются «культурно-ценностные ориентации». *Культурно-ценностные ориентации* рассматривались учеными как «сложные, определенным образом сгруппированные принципы, которые придают направленность разнообразным потокам человеческого мышления и деятельности в ходе решения общечеловеческих проблем» (Почебут Л. Г., Мейжис И. А. Социальная психология, СПб., 2010. С. 596). Выделялись пять фундаментальных проблем, которые по-разному решаются представителями разных культур: отношение человека к другим людям, отношение к человеческой натуре, отношение к природе и сверхприродному, отношение человека ко времени, направленность деятельности человека.

Решением проблемы *отношения человека к другим людям* может быть направленность на свои интересы (индивидуализм), отношения с людьми, равными по статусу (взаимная культура), отношения с вышестоящими членами семьи и общества (иерархичная культура). *Отношение к человеческой натуре* – это ответы на извечные вопросы: добр человек по своей природе, зол или нейтрален, имеет ли светлые и темные стороны; подвержена ли человеческая натура изменениям. В зависимости от того, какие ответы дает культура на эти вопросы, общество в большей или меньшей степени применяет репрессивные меры к своим членам, государство, родители и организации тратят больше или меньше сил и средств на обучение [7].

Возможные решения проблемы *отношения к природе и сверхприродному*: господство человека над природой (США), подчинение природе и сверхприродному (традиционные испано-американские культуры), гармония с природой (Япония, Китай, Корея). Решение проблемы *отношения человека ко времени* предполагает ориентацию на прошлое, настоящее или будущее. Культуры, ориентированные на прошлое (например, культуры Северного Кавказа), высоко ценят традиции и историю своего этноса, своей страны, идеализируют жизнь предков. В культурах, ориентированных на настоящее (культурах стран Латинской Америки), люди живут сегодняшним днем, сегодняшними радостями и горестями. Культуры, ориентированные на будущее (культура Нидерландов), высоко ценят изменения.

Последняя проблема, выделенная Клакхоном и Стродбеком, – *направленность человеческой деятельности* на бытие, становление или делание. Направленность на бытие предопределяет ценность опыта, способности радоваться жизни (страны Латинской Америки), направленность на становление – ценность саморазвития, самосовершенствования (по данным Н. М. Лебедевой [7] преобладает у нескольких поколений россиян). Направленность (деятельности) на делание означает высокую ценность практической деятельности, профессиональных успехов и низкую значимость созерцания (США) [7].

Начало эмпирических исследований ценностных ориентаций в разных культурах было положено исследованием производственных ценностей, проведенным в середине 1950-х гг. голландским ученым Г. Хофстеде (G. Hofstede) по заказу компании IBM. На основе факторного анализа исследователь выделил четыре биполярных культурных параметра: индивидуализм – коллективизм, дистанция власти (высокая-низкая), избегание неопределенности (высокий уровень – низкий уровень), маскулинность-феминность. *Индивидуализм* – приоритет личных интересов над интересами группы, *коллективизм* – приоритет групповых интересов перед личными. *Дистанция власти* означает, в какой степени нижестоящие допускают и одобряют неравенство в обществе и организации. В культурах с высокой дистанцией власти существует множество ритуалов, целью которых является подчеркивание и усиление статусных различий, не допускается критика со стороны подчиненных, решения принимаются руководителями.

Избегание неопределенности – степень принятия неопределенности в культуре. Культурный параметр определяет возможность отклонения от социальных норм и правил поведения. Представители культур, толерантных к неопределенности, проявляют толерантность к представителям социальных групп, в которых нормы поведения отличны от норм их культуры. *Маскулинность-феминность* культуры – степень разделения традиционных/эгалитарных представлений о распределении гендерных ролей, приоритет материальных (в маскулинной культуре) или духовных (в феминной культуре) ценностей.

Г. К. Триандисом были выделены несколько культурных параметров, одним из которых является *простота-сложность культуры*. Выделяют несколько характеристик, по которым различаются простые и сложные культуры: развитие письменности, наличие исторических записей, сельского хозяйства, профессиональной специализации, сложной системы социальной стратификации и управления и др. [17]. В простых культурах существует ограниченное количество видов деятельности, форм организации досуга, в сложных культурах огромное количество профессий, разобратся в которых помогают специальные руководства. Простые культуры отличаются от сложных отношением ко времени, специфичностью/диффузностью социальных ролей. Пунктуальность считается ценностью не в простых, а в сложных культурах. Интерес к личности и частной жизни партнера в деловых отношениях приветствуется в простых культурах, но не в сложных. В закрытых культурах поведение людей строго регламентировано нормами и правилами, отступление от которых жестоко карается, а в открытых культурах отступление от норм и традиций допустимо, самостоятельность в принятии решений одобряется. Поскольку в закрытых культурах не допускается обсуждение многих тем и проблем, в литературе и искусстве расцветает иносказательный жанр (басни, выступления сатириков) [7].

Триандис показал, что *индивидуализм-коллективизм* проявляется не только на групповом, но и на индивидуальном уровне. При исследовании Я-Концепции представителей коллективистических и индивидуалистических культур было показано, что представители коллективистических культур имеют взаимозависимое «Я»: описывают себя как принадлежащих к разным социальным группам и исполняющих разные социальные роли (мама, отец, дочь, студентка, друг, сотрудник компании). Представители индивидуалистических культур имеют «независимое Я»: описывают прежде всего свои личные качества. Триандис установил, что параметры «дистанция власти» (вертикальность культуры) и «индивидуализм-коллективизм» взаимодействуют. Существуют две формы индивидуализма и коллективизма: вертикальный индивидуализм – стремление к индивидуальным достижениям, горизонтальный индивидуализм – стремление к уникальности, самореализации. Вертикальный коллективизм – это подчинение вышестоящим, горизонтальный коллективизм – ориентация на групповые цели.

Теоретической основой всемирно известных исследований Ш. Шварца (S. Schwartz) являются работы Ф. Клакхона и Ф. Строрбека. Шварц выделил три фундаментальные проблемы, которые так или иначе решает каждая культура. Первая проблема – *природа отношений между личностью и группой: автономия или принадлежность*. По Шварцу, возможны два вида автономии: *интеллектуальная* (широта взглядов, творчества) и *аффективная* (наслаждение жизнью, удовольствие). Полюс принадлежности – идентификация с группой, стремление к достижению групповых целей. Вторая проблема – *обеспечение социально ответственного поведения*. Решением этой проблемы является поддержание иерархических отношений между людьми (*иерархия*) или достижение максимально возможного равенства (*равенство*). Третья проблема – *отношения человека с природой*. Два полюса решения этой проблемы: *гармония и мастерство*. Гармония предполагает принятие мира таким, какой он есть, а мастерство – стремление к изменению мира для достижения индивидуальных или групповых целей. С точки зрения Шварца, преобладание любого полюса приводит к негативным последствиям.

Р. Иглхарт (R. Iglehart) провел всемирное исследование ценностей. В результате было выделено два измерения: *традиционные/секулярно-рациональные ценности и ценности выживания/самовыражения*. Основой традиционных ценностей служат религиозность и ценность семьи. В исследованиях было показано, что уважение к власти, религиозность, ценность семьи, Родины взаимосвязаны. В культурах, разделяющих традиционные ценности, социальные нормы требуют от родителей и детей заботы друг о друге и взаимных жертв ради блага тех и других. Для детей очень важно, чтобы родители гордились ими. Представители культур, разделяю-

щих секулярно-рациональные ценности, высоко ценят возможность самовыражения, негативно относятся к конформизму, допускают возможность абортов, разводов, эвтаназии. Для представителей культур, где преобладают ценности выживания, очень важна экономическая и физическая безопасность, они разделяют традиционные представления о гендерных ролях. Представителям культур с преобладанием ценностей самовыражения присущи политическая активность, стремление к самореализации, терпимость к представителям других социальных групп. Ценности самовыражения преобладают в странах с высоким уровнем дохода, а ценности выживания – в странах, испытывающих экономические трудности [6].

М. Бонд (M. Bond) и К. Леунг (K. Leung) показали, что культурные различия в поведении и мышлении недопустимо сводить к различиям в ценностях. На основании результатов эмпирических исследований в разных странах мира ученые выделили *пять социальных аксиом* (представлений о мире): социальный цинизм, социальная сложность, награда за усилия, религиозность, контроль судьбы. Аксиома «социальный цинизм» отражает представление о социальных институтах как о потенциально опасных для личности, отражает готовность человека к нарушению закона для достижения своих целей. Аксиома «социальная сложность» описывает представление людей об отсутствии единого пути к достижению цели, необходимости учета обстоятельств. Аксиома «религиозность» выражает роль религии в жизни личности. Социальная аксиома «награда за усилия» отражает представление, что усилия, трудолюбие, планирование помогают добиться высоких результатов. Аксиома «контроль судьбы» суть представление о предопределенности человеческой судьбы и в то же время возможность повлиять на свою судьбу.

Таким образом, исследователями были выделены культурные параметры (ценностные ориентации, социальные нормы, социальные представления), которые объясняют причины культурных различий в поведении и мышлении людей.

3. ОБЩЕНИЕ В КУЛЬТУРАХ МИРА

3.1. Культура и вербальное общение

Общение является сложным социально-психологическим процессом достижения взаимопонимания между людьми. Культурные различия межличностного общения являются причиной трудностей в дружеских, деловых, дипломатических взаимоотношениях представителей разных культур. Правильно и точно интерпретировать высказывания партнера, понять его намерения – сложно и представителям одной культуры, а культурные раз-

личия стилей общения значительно усложняют эту задачу. Исследователи используют несколько оснований для классификации стилей вербального общения и выделяют по ним следующие стили: *прямой* и *непрямой*; *искусственный*, *точный* и *сжатый*; *аффективный* и *инструментальный*; *ситуативный* и *личностный* [7].

Классифицировать стили общения как прямые и непрямые предложили У. Б. Гудикунст (W. B. Gudykunst) и С. Тинг-Туми (S. Ting-Toomey) (Матьяш О. И., Погольша В. М., Казаринова Н. В., Биби С. А., Зарицкая Ж. В. Межличностная коммуникация. Теория и жизнь. СПб., 2011).

Прямой стиль общения предполагает открытое выражение чувств, желаний, намерений, позиции, убеждений и ценностей средствами вербального общения. При непрямом стиле общения собеседники скрывают подлинные намерения, убеждения, позиции и выражают их намеками, обиняками, невербальными средствами общения. Непрямой стиль общения предполагает неопределенность высказываний, отказ от открытого выражения несогласия с собеседником. Так, например, в японской и корейской культурах не принято открыто отвечать отказом на предложения собеседника. Эта особенность вербального общения представителей культур с преобладанием непрямого стиля общения может стать причиной недоразумений и негативных чувств при общении с представителями культур, в которых принят прямой стиль общения. В. Овчинников в книге «Ветка сакуры», посвященной Японии, приводит такой пример: американский предприниматель предлагает ведущему японскому производителю сандалет заключить контракт о поставках товара в США, и ставит ряд условий, в том числе увеличение размерного ряда обуви. Японского производителя не интересует предложение американского предпринимателя. Однако, вместо того чтобы ответить отказом, он дает принципиальное согласие, но указывает на различные обстоятельства, которые не дают возможность заключить контракт, и действует так до тех пор, пока американский предприниматель не теряет терпение и не отказывается от заключения сделки, к удовлетворению японского предпринимателя [12]. В американской и западноевропейской культуре социальные нормы не предполагают отказ в ответ на деловое предложение, и подобное поведение потенциального делового партнера вызывает негативную реакцию. Прямой стиль общения ориентирован на точное и беспристрастное изложение информации, своей позиции, а непрямой стиль общения – на эмоционально насыщенное общение [7]. Юмор, ирония, иносказания, часто используемые при непрямом стиле общения, придают сообщению эмоциональную окраску.

Т. Г. Стефаненко указывает, что прямой стиль общения соответствует высококонтекстной культуре, а непрямой стиль общения – низкоконтекстной культуре [16]. Термины «высококонтекстная и низкоконтекстная культура» были предложены Э. Холлом и отражали зависимость коммуни-

кации от социального контекста, роль характеристик пространства и невербальных форм общения как средств передачи информации (Межличностная коммуникация. Теория и жизнь. СПб., 2011). В высококонтекстных культурах значительная часть информации передается средствами невербального общения, с помощью организации пространства и времени и зависит от контекста. Так, характеризуя человека, индийцы и японцы не просто скажут, что он ответственный или разумный, а отметят, в каком именно социальном контексте проявляется то или иное качество. Например, человека могут охарактеризовать как ответственного на работе, но не в семье или разумного на базаре, но неразумного в общении с тещей [16]. Общение представителей высококонтекстных культур по сравнению с общением представителей низкоконтекстных культур является эмоциональным. Эмоции при общении могут быть как положительными, так и отрицательными.

Прямой стиль общения преобладает в индивидуалистических культурах с низкой дистанцией власти: культурах стран Северной Европы, Нидерландов, США. Непрямой стиль общения распространен в культурах стран Ближнего (арабских странах) и Дальнего Востока (Японии, Китае, Южной Корее). В сравнении с преобладающим стилем общения в США, странах Северной и Западной Европы российский стиль общения является непрямым. Т. Г. Стефаненко отмечает, что не прямой стиль общения отражается и в грамматике русского языка: наличии неопределенных приставок и частиц (кое-что, кто-либо, что-нибудь). В то же время при сравнении стилей вербального общения, присущих российской культуре и восточным культурам Китая, Японии, российский стиль воспринимается как прямой. В исследовании Ю. Е. Прохорова, И. А. Стернина было показано, что русский коммуникативный стиль отличается искренностью, многословностью, однозначностью, категоричностью (Ю. Е. Прохоров, И. А. Стернин Русские: коммуникативное поведение. М., 2006). При общении представителей российской культуры возможно открытое выражение несогласия с позицией собеседника. В отличие от представителей китайской и японской культур, для которых очень важно сохранение лица, как собственного, так и собеседника, представители российской культуры считают допустимой прямую конфронтацию с собеседником.

Для русского коммуникативного стиля характерны эмоциональность, несдержанность. Высокую эмоциональность, трудности регуляции негативных эмоций при общении у представителей российской культуры по сравнению с представителями культур Северной Европы отмечает Е. В. Сидоренко (Е. В. Сидоренко, Тренинг коммуникативной компетентности в деловом взаимодействии. СПб, 2008). Т. Г. Стефаненко показала, что русский язык насыщен эмоционально окрашенными глаголами и прилагательными, которые помогают представителям российской культуры выра-

жать свои чувства в общении [16]. Безусловно, общение в российской культуре отличается высокой эмоциональностью, характерной для непрямого стиля вербального общения [7].

Следующая классификация выделяет искусный, точный и сжатый стили вербального общения. Точный стиль соответствует прямому стилю предыдущей классификации и предполагает открытое, краткое и точное выражение своей позиции. Точный стиль общения преобладает в низкоконтекстных индивидуалистических культурах с низкой дистанцией власти (Нидерланды, Швеция, США). Искусный стиль общения предполагает яркий, красочный, метафоричный язык и преобладает в арабских странах Ближнего Востока – культурах со средним уровнем избегания неопределенности и высокой дистанцией власти. Искусный стиль требует от собеседников очень большой убедительности в общении. Так, например, отказываясь от угощения, гость должен не просто сказать «нет», а повторить несколько раз, сопровождая свое высказывание различными заверениями и клятвами. В результате в деловых и международных переговорах заявления, которые арабами воспринимаются как демонстрация уверенности в своей позиции, представителями низкоконтекстных культур США, Северной и Западной Европы интерпретируются как переходящие все границы. Точно так же краткий отказ представителей культур, предпочитающих точный стиль, воспринимается представителями культур, в которых преобладает вычурный стиль, как завуалированное согласие. Впрочем, в некоторых случаях подобные ошибки возможны и при общении представителей одной культуры, предпочитающих разные стили общения. Так, в романе Д. Остин «Гордость и предубеждение» мистер Коллинз, в свойственном ему вычурном стиле общения, делает предложение Элизабет Беннет, которая использует в повседневном общении точный стиль. Элизабет Беннет отказывает мистеру Коллинзу, однако он воспринимает ее отказ как завуалированное согласие на брак с ним.

Сжатый стиль преобладает в странах Дальнего Востока (Южной Корее, Японии, Китае). В этих восточных культурах высоко ценится молчание, способность понимать собеседника без слов. Их представители, предпочитающие сжатый стиль, убеждены, что самое сокровенное и самое главное невозможно выразить словами. Недосказанность органична для японской культуры, высоко ценится в японской поэзии (хокку) и произведениях искусства [12].

Еще одна классификация разделяет ситуативный и личностный стили общения. Ситуативный стиль учитывает положение собеседников в обществе, в той или иной организации. Как правило, ситуативный стиль вербального общения используется в культурах с высокой дистанцией власти, а личностный стиль – в культурах с низкой дистанцией власти. Так, в Нидерландах студенты нередко обращаются к профессорам по имени, без титулов,

что неприемлемо в Китае, Корее или Японии, где преобладает ситуативный стиль общения. В Японии строгие правила вербальной коммуникации необходимо соблюдать не только в деловом общении, но и в семье. Жена почтительно разговаривает с мужем, отец с сыном, сестры с братьями [12].

Последняя классификация – аффективный и инструментальный стили общения. Аффективный стиль общения предполагает ориентацию на собеседника и процесс общения, а инструментальный стиль – ориентацию на себя и результат общения. Для инструментального стиля характерны нацеленность на проблему, задачу, уверенность и напористость, стремление изменить точку зрения собеседника, добиться от него тех или иных действий. Аффективный стиль связан со стремлением понять чувства слушателей, адаптировать свою позицию к позиции собеседника. Инструментальный стиль преобладает в индивидуалистических культурах Северной Европы, в Нидерландах, США, а аффективный стиль – в коллективистических культурах Дальнего Востока, Африки, Латинской Америки, в арабских культурах. Формы аффективного стиля различаются в культурах Дальнего Востока, предпочитающих недосказанность, и в арабских культурах, ориентированных на телесный контакт и драматическое выражение чувств и позиции в общении.

3.2. Культура и невербальное общение

Невербальное общение, или язык тела, является важнейшей формой общения. Это естественный, бессознательный язык, говорящий об истинных чувствах человека и истинных чувствах и намерениях тех, кто его окружает. При взаимодействии с другими человек постоянно подает и получает бессловесные сигналы. Способность понимать и использовать невербальную коммуникацию является мощным инструментом, помогающим в общении с людьми и способствующим созданию правильного взаимопонимания.

Итак, невербальное общение – это коммуникационное взаимодействие людей без использования слов, то есть без речевых и языковых средств, представленных в прямой или какой-либо знаковой форме. Передача информации осуществляется через образы, интонации, мимику, жесты, изменение мизансцены общения. Инструментом общения становится обладающее широким диапазоном средств и способов передачи информации тело человека. Невербальное общение – это внешняя форма существования и проявления психического мира личности. Соответственно, анализ структуры содержания индивидуального невербального поведения является одним из способов диагностики развития личности как субъекта общения.

При помощи невербального языка человек:

- подтверждает, поясняет или опровергает передаваемую словесным путем информацию;
- передает информацию сознательно или бессознательно;
- выражает свои эмоции и чувства;
- регулирует ход разговора;
- контролирует других лиц и воздействует на них;
- восполняет недостаток слов.

Известно, что такие элементы невербального поведения личности, как мимика и жесты, являются одной из первых визуальных, знаковых систем, которые усваиваются в онтогенезе. Врожденные способы выражения эмоций свидетельствуют об интернациональном характере основных мимических картин, поз, наборов жестов, что является веским аргументом приоритета невербального языка над вербальным. Спонтанное невербальное поведение постепенно дополняется символической мимикой, позами, интонациями, жестами, свойственными определенной культуре или ситуации, и уже требует предварительного обучения для понимания (Лабунская В. А. Невербальное поведение: социально-перцептивный подход. 1986. С. 5–35).

Классификация средств невербального общения по В. А. Лабунской построена на базе основных атрибутов бытия, материи, всеобщих формах ее существования: движении, времени, пространстве, – а также системы их отражения и восприятия. Главными системами невербального общения человека являются: оптическая, акустическая, тактильно-кинестетическая и ольфакторная (от лат. *olfactorius* – обонятельный).

Оптическая система подразделяется на подсистемы: выразительные движения, физиогномика. В этих подсистемах используются такие приемы, как мимика, жесты, позы, осанка, походка, внешние признаки лица (нос, уши, глаза), направление взгляда, его длительность и частота.

Акустическая система подразделяется на подсистемы экстралингвистика, паралингвистика и просодия, в которых используются такие приемы и средства, как пауза, темп речи, вздох, плач, кашель, вокальные качества голоса, диапазон, тембр, фразовое ударение, синтагматическое ударение, логическое ударение, тон и интонация.

Тактильно-кинестетическая система включает такесику и сенсорику, их средствами являются статистическое прикосновение (рукопожатие, поцелуй), динамическое прикосновение (рукопожатие, поцелуй, поглаживание, похлопывание).

Ольфакторная система включает систему запахов (запахи тела, косметики, табака, еды).

Следует также упомянуть *пространственно-временную систему*, включающую проксемику и хронемiku, средствами которых являются расположение собеседников и дистанция между ними, способ использова-

ния времени. Выступая в качестве особой знаковой системы, пространство и время организации процесса общения несут немалую смысловую нагрузку, являясь компонентами коммуникативной ситуации. Исследуя личностное пространство человека, антрополог Э. Холл пришел к новому пониманию взаимоотношений людей. Каждый человек считает определенную территорию личным пространством. Размер личного поля зависит от происхождения человека, культуры и личных предпочтений. Выделяют четыре межсубъектные зоны:

- интимная, 0–0,5 м;
- персональная (личностная), 0,5–1,2 м. В этом пространстве, как правило, реализуются нормальные коммуникативные отношения, однако дистанция разная даже для людей, воспитанных в схожих условиях. Так, например, дети и старики стремятся находиться ближе к партнеру, в то время как подростки и люди среднего возраста предпочитают быть на удалении. Охрана личных зон является одним из главных принципов бессловесного общения, т. к. вторжение в личную зону является демонстрацией отсутствия такта и верной оценки личности другого человека, которые, безусловно, производят угнетающее впечатление;
- социальная, 1,2–3,65 м. Используется главным образом в деловых отношениях;
- общественная, от 3,65 м. Используется, как правило, докладчиками (Е. Т. Hall. *The hidden dimension*. New York, 1966).

Как показали исследования Холла, размеры личностного пространства культурно детерминированы и существенно различаются у представителей разных культур. Например, жители Латинской Америки предпочитают общение на небольшом расстоянии, почти вплотную (интимная, персональная зоны), представители Северной Америки обычно выбирают дистанцию делового общения (социальная зона). Холл выделяет по способу коммуникации два типа культур:

- высококонтекстуальные культуры (Восток);
- низкоконтекстуальные культуры (Запад).

Высококонтекстуальным культурам свойственна невыраженная, скрытая манера речи, многочисленные и многозначительные паузы; большое значение придается невербальному общению и умению «сказать глазами», избыточная информация не нужна, открытое выражение недовольства неприемлемо ни при каких условиях. Низкоконтекстуальные культуры отличает прямая и выразительная манера речи, недоверие к молчанию; невербальное общение малозначимо, все должно быть выражено словами и всему должна быть дана ясная оценка, недосказанность ассоциируется с недостаточной информированностью говорящего, в отдельных случаях возможно открытое выражение недовольства. Россия занимает промежуточное положение между Востоком и Западом, поэтому ее представителям

присущи черты обоих способов коммуникации (Hall E. *The silent language*. New York, 1959). Высококонтекстуальные культуры можно отнести к коллективистским, а низкоконтекстуальные – к индивидуалистическим.

Невербальная коммуникация включает не только разнообразные виды невербального поведения, рассмотренные выше, но и неповеденческие формы коммуникации: одежду, косметику, архитектуру и все прочие невербальные аспекты жизни, которые могут иметь определенный смысл и нести определенные сообщения. Эти неповеденческие аспекты невербальной коммуникации важны для понимания общего характера воздействия культуры на процесс общения (Тер-Минасова С. Г. *Язык как зеркало культуры*. М., 1999).

Исследователи межкультурной коммуникации давно обратили внимание на связь культурной среды и поведения человека. И. Альтман (I. Altman) и М. Говейн (M. A. Guavain), авторы диалектической теории невербальной среды, выделили четыре основных стиля невербальной коммуникации:

1. *Индивидуально-открытый* (Австралия, США – индивидуалистические культуры с низкой дистанцией власти).

2. *Индивидуально-закрытый* (Бельгия, Франция – индивидуалистические культуры с высокой дистанцией власти).

3. *Общинно-открытый стиль* (Гонконг, Сингапур – коллективистские культуры со средней и низким уровнем дистанции власти).

4. *Общинно-закрытый стиль* (Япония, Корея – коллективистские культуры с высокой дистанцией власти) [Altman I., Guavain M. A. *Spatial representation and behavior across the life span: Theory and Application*. New York, 1981].

При общении с представителями другой культуры очень важно учитывать стиль невербальной коммуникации собеседника, в противном случае общение будет затруднено. В разных культурах по-разному используются жесты-символы. Чаще всего человек сталкивается со сложностями их применения при общении с представителем иной культуры, языка которого он не знает. Предполагая, что значение жестов-символов везде одинаково, человек может оказаться в весьма затруднительном положении. Так, например, поднятый вверх большой палец руки, известный в России как жест, символизирующий наивысшую оценку, в Греции означает грубое «замолчи», в США – при резком применении означает нецензурное выражение. Если в Голландии вы покрутите пальцем у виска, подразумевая какую-то глупость, вас не поймут, поскольку там этот жест означает остроумное высказывание. В некоторых странах Африки даже смех вовсе не показатель веселья, а, напротив, знак изумления и замешательства. В Греции и Турции ни в коем случае нельзя показывать два пальца, которые в России означают число два, – там это расценят как

страшное оскорбление, подобное плевку в лицо. Мы практически не придаем значения левой и правой руке, тогда как на Ближнем Востоке, у тех, кто исповедует ислам, левая рука считается нечистой, поэтому протягивать деньги или подарок левой рукой не принято, это может быть расценено как оскорбление.

Таким образом, невербальное поведение – это настоящий второй язык. Подобно тому как в культурах развиваются свои вербальные языки, формируются в них и свои невербальные. Для того чтобы учитывать сходство и различие культур при общении, следует обращать больше внимания на культурные различия в невербальном языке.

3.3. Межкультурная коммуникация

Межкультурная коммуникация – общение, осуществляемое в условиях столь значительных культурно обусловленных различий в коммуникативной компетенции его участников, что эти различия существенно влияют на удачу или неудачу коммуникативного события (Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000). Под коммуникативной компетенцией при этом понимается знание используемых при коммуникации символьных систем и правил их функционирования, а также принципов коммуникативного взаимодействия. Межкультурная коммуникация характеризуется тем, что ее участники при прямом контакте используют специальные языковые варианты и дискурсивные стратегии, отличные от тех, которыми они пользуются при общении внутри своей культуры. Обычно часто используемый термин «кросскультурная коммуникация» относится к изучению определенного феномена в двух культурах и более и имеет особое значение для сравнения коммуникативной компетенции общающихся представителей разных культур.

Способность развивать коммуникативную компетентность присуща всем представителям Homo sapiens, однако реализация этой способности культурно обусловлена. Кроме того, она обусловлена уникальным индивидуальным опытом каждого человека, из чего следует, что при коммуникации, являющейся процессом обмена сообщениями, постоянно происходит воссоздание смыслов, поскольку смыслы не совпадают даже у людей, говорящих на одном языке и выросших в одной культуре. В случае разных культур и разных языков коммуникация осложняется настолько, что о полном понимании можно говорить лишь с известной долей иронии.

Термин «межкультурная коммуникация» в узком смысле появился в литературе в 1970-х гг. К настоящему моменту научные исследования в области межкультурной коммуникации фокусируются на поведении людей, сталкивающихся с культурно обусловленными различиями в языковой деятельности и последствиями этих различий. Результатами исследований стали описания культурной специфики при выражении и интерпретирова-

нии ситуативных языковых действий собеседников. С самого начала эти исследования имели большое прикладное значение и использовались в многочисленных разработках для практических занятий (тренингов) по развитию кросскультурной восприимчивости.

Межкультурная коммуникация как общественный феномен была вызвана к жизни практическими потребностями послевоенного мира, подкреплявшимися идеологически тем интересом, который с начала XX в. формировался в научной среде и в общественном сознании по отношению к так называемым экзотическим культурам и языкам. Практические потребности возникли вследствие бурного экономического развития многих стран и регионов, революционных изменений в технологии, связанной с этим глобализации экономической деятельности. В результате мир стал значительно меньше – плотность и интенсивность продолжительных контактов между представителями разных культур очень сильно повысились и продолжают повышаться. Помимо собственно экономики важнейшими зонами профессиональной и социальной межкультурной коммуникации стали образование, туризм, наука.

Эти практические потребности были поддержаны изменениями в общественном сознании и, в первую очередь постмодернистским отказом от европоцентристского подхода в гуманитарных и общественных науках. Признание абсолютной ценности разнообразия мировых культур, отказ от колонизаторской культурной политики, осознание хрупкости существования и угрозы уничтожения огромного большинства традиционных культур и языков привели к тому, что соответствующие дисциплины стали бурно развиваться, опираясь на новый в истории человечества феномен интереса народов мира друг к другу. Среди многих антропологов, этнографов, лингвистов, культурологов, труды которых по описанию традиционных обществ, культур и языков способствовали становлению идеи многополярности человеческого сообщества, следует особо выделить американского антрополога и лингвиста Ф. Боаса, написавшего работы, посвященные языкам североамериканских индейцев, в конце XIX – начале XX века.

В России исследования по межкультурной коммуникации считались до недавнего времени частью социолингвистики. В рамках этой дисциплины можно выделить, во-первых, сопоставительные исследования использования одного языка в качестве «лингва франка» (языка, используемого как средство межэтнического общения в определенной сфере деятельности) нескольких этнических или культурных групп, во-вторых, функциональные ограничения, с которыми сталкивается язык одной (обычно меньшей) этнической группы при межкультурном общении. Кроме того, проблематика межкультурной коммуникации в той или иной степени рассматривалась в рамках преподавания русского языка как иностранного, а также страноведения.

4. ПСИХОЛОГИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

4.1. Этническая идентичность

Этническая идентичность (этничность) – это эмоционально-когнитивный процесс объединения субъектом себя с другими представителями своей этнической группы, а также позитивное ценностное отношение к истории, культуре, национальным традициям и обычаям своего народа, его идеалам, чувствам и интересам, фольклору и языку, территории проживания этноса и его государственности.

Этническая идентичность, как и идентичность вообще, формируется в процессе социализации. В современной науке существует немало разногласных трактовок понятия «идентификация», но преобладает ее понимание как процесса перенесения индивидом на себя качеств и особенностей внешнего окружения, стремление актуализировать в своей личности такие черты, которые важны и жизненно необходимы в данных условиях. Идентификация служит основой процесса подражания, т. е. не насильственного, а свободного выбора человеком тех качеств, умений и ценностей, которыми он хотел бы обладать.

Проблема идентичности в современной науке тесно связана с Я-концепцией, согласно которой у индивида существует некое внутриличностное ядро – «Я», отбирающее и интегрирующее всю значимую и отбрасывающее всю незначимую информацию. «Я» не равно личности, это некий феномен, характеризующийся внутренним единством, близкий к понятию самосознания, которое складывается из представлений человека о себе и для себя, а также из представлений о себе для других.

Можно выделить несколько уровней идентичности. *Первый уровень – личностно-психологический*: осознание человеком своего Я. Оно складывается по мере участия в различных социальных группах. Можно ощущать себя членом семьи, трудового коллектива, драматического кружка. Этот уровень идентичности связан с представлением о себе как члене какой-то группы, а также с теми эмоциями, которые возникают от оценки этой принадлежности.

Второй уровень – социально-психологический: представления человека о себе формируются как производные от осознания им своей причастности к определенной социальной группе. Индивиду свойственно искать подтверждение своей групповой принадлежности, но только во взаимодействии с подобными группами. Человек сравнивает свою группу с другими и ведет себя так, чтобы представлять свою группу в благоприятном свете.

Разновидностью социально-психологической идентичности является *этносоциологическая идентичность*: осознание личностью своей принадлежности к определенному этносу. Эта идентичность удовлетворя-

ет, с одной стороны, потребность в самобытности и независимости от других людей, с другой – потребность в принадлежности к группе и защите. Этническая идентичность приобретается не за счет личных усилий, а по рождению или воспитанию с раннего детства в определенной этнической среде.

Для этнопсихологии важна проблема этнической идентичности, то есть осознания индивидом своей принадлежности к этносу. Общеизвестно, что нет личности внеисторической, вненациональной; каждый человек принадлежит к той или иной этнической группе. Новорожденный не имеет возможности выбрать себе национальность. С появлением на свет в определенной этнической среде личность формируется в соответствии с установками и традициями ее окружения. Проблема этнического самоопределения не возникает у человека, если его родители принадлежат к одной и той же этнической группе и его жизненный путь проходит в ней. Такой человек легко и безболезненно идентифицирует себя со своей этнической общностью, поскольку механизмом формирования этнических установок и стереотипов поведения служит *подражание*. Он усваивает язык, культуру, традиции, социальные и этнические нормы родного этнического окружения. Этническое сознание такого человека строится гармонично, не входя в противоречие ни с окружающими людьми, ни с собственным внутренним миром. Это уровень родоплеменного коллективизма и родоплеменного сознания. Даже когда потребность в этническом объединении в связи с внешней опасностью непостоянна, такие временные объединения могут служить мощным толчком для осознания этнической близости и единства. Этноконфессиональный объединяющий фактор может стать дополнительной детерминантой формирования этнической идентификации.

Многочисленные наблюдения и исследования этнической идентификации показывают, что возможны три варианта ее развития: 1) на основе подражания, когда индивид осознанно или неосознанно копирует стереотипы поведения этнической общности, в которой он воспитывается и живет; 2) на основе принуждения, а орудиями принуждения могут служить традиции и ценностные ориентации общества; 3) на основе свободного и осознанного выбора, человек может даже отказаться от национальности и стать космополитом, человеком всего мира в результате свободного выбора.

Типы этнической идентичности. Исследование проблемы этнической идентификации в историческом плане позволяет заключить, что в зависимости от сочетания различных причин и условий возможно формирование *семи основных типов этнической идентичности*, характеризующихся стойкими чертами и признаками.

1. *Нормальная идентичность* – образ своего народа воспринимается как положительный, имеет место благоприятное отношение к его культуре, истории, потребность в идентификации с данной этнической группой зависит

от типа личности и ситуации. Отклонения от «нормы» возможны в направлении как нарастания этничности, так и ее угасания или даже отрицания.

2. *Этноцентрическая идентичность* – не критическое предпочтение какой-либо этнической группы и самоидентификация индивида с ней. Возможны элементы этноизоляционизма, замкнутости, в некоторых этнических группах детерминируемые традиционными нормами, религиозными правилами (например, брачная эндогамия).

3. *Этнодоминирующая идентичность* – предпочтение этничности перед всеми другими видами идентичности (гражданской, семейной, профессиональной и др.), восприятие как безусловно доминирующей ценности. Сопровождается признанием прав народа выше прав человека, представлениями о превосходстве своего народа, дискриминационными установками в отношении других этнических групп, признанием правомерности «этнических чисток», стремлением не смешиваться с другими этносами.

4. *Этнический фанатизм* – тип идентичности, при котором абсолютное доминирование этнических интересов и целей, часто понимаемых иррационально, сопровождается готовностью идти во имя них на любые жертвы и действия. Это крайняя форма агрессивной идентичности.

5. *Этническая индифферентность* – тип идентичности, формирующийся при равнодушии человека к проблеме собственной этничности и межэтнических отношений, ценностям своего и других народов. Такие люди независимы от норм и традиций своей этнической группы, и на их поступки и поведение в любых сферах деятельности не влияют ни их этническая принадлежность, ни этническая идентичность других.

6. *Этнонигилизм в форме космополитизма* – отрицание этничности, этнических, этнокультурных ценностей. Обычно этот тип этнической идентичности формируется в связи с осознанием низкого статуса своей этнической группы, признанием ее неравноценности по сравнению с другими. Следствием этого становится избегание демонстрации своей этничности, а иногда и вообще отрицание всякой этничности.

7. *Амбивалентная этничность* – не выраженная явно этническая идентичность, широко распространенная в смешанной этнической среде.

Данные типы и виды этнической идентичности выделены на основании изучения большого эмпирического материала. В действительности этническая идентичность может определяться не каким-то одним типом, а несколькими.

Этническая идентичность изменчива в каждой культуре. Так, в деревне человек ощущает себя ее жителем и воспринимается таким другими. В городе он воспринимается как представитель определенной местности, для которой характерны свои нравы, обычаи, диалект. В ситуации войны с другим государством человек выступает как гражданин своей страны. Таким образом, границы этнической идентичности подвижны и культурно обоснованы.

4.2. Межэтнические конфликты

Межэтнические конфликты являются одной из наиболее социально значимых проблем этнопсихологии. Согласно данным Центра этнополитических и региональных исследований, на постсоветском пространстве за 15 лет произошло более 100 острых конфликтов, среди них шесть региональных войн (карабахская, абхазская, таджикская, южноосетинская, приднестровская и чеченская) [16]. Межэтнические конфликты относятся к категории социальных конфликтов наряду с политическими (борьбой за власть), социально-экономическими (между различными социальными группами, «трудом и «капиталом»), конфессиональными (борьбой за право исповедовать ту или иную религию) конфликтами.

В обыденном сознании межэтнические конфликты нередко отождествляются с насильственными действиями представителей различных этнических групп по отношению друг к другу. В этнической психологии насильственные действия рассматриваются лишь как одна из форм проявления межэтнического конфликта, а само понятие является более широким. Т. Г. Стефаненко предлагает следующее определение межэтнического конфликта: «любая конкуренция между группами – от реального противоборства за обладание ограниченными ресурсами до предполагаемого расхождения интересов – во всех случаях, когда в восприятии хотя бы одной из сторон противостоящая сторона определяется с точки зрения этнической принадлежности ее членов» [16, с. 293]. О возникновении межэтнического конфликта свидетельствуют определенные признаки: этноизбирательная миграция из региона (например, в бывших советских республиках после распада СССР), создание политических организаций, которые ставят своей целью изменение существующего положения дел в интересах определенной этнической группы, спонтанные акции протеста против ущемления интересов этнической группы.

Существуют различные классификации этнических конфликтов. По признаку «территория проживания, наличие/отсутствие государственных и административных границ» выделяют: межгосударственные конфликты, региональные конфликты между этносами, проживающими в одном государстве, но разделенными административными границами, конфликты между центром и регионом, местные конфликты. По характеру и образу действий конфликтующих сторон Э. А. Паин и А. А. Попов (Паин Э. А., Попов А. А. Межнациональные конфликты в СССР. Советская этнография. 1990. № 1) выделяют: конфликт стереотипов, конфликт идей и конфликт действий. Конфликт стереотипов – создание негативного образа этнической группы (например, задолго до вооруженных столкновений Армении и Азербайджана в Нагорном Карабахе в обеих республиках начали создавать «образы врага»). Конфликт идей – это притязание этнической

группы на самостоятельную государственность или определенную территорию (в Северной Осетии и Ингушетии), конфликт действий – митинги, столкновения представителей различных этнических групп [16].

По целям, которые ставят перед собой стороны этнического конфликта, выделяют социально-экономические, культурно-языковые, политические и территориальные конфликты. Социально-экономические конфликты представляют собой борьбу за гражданское равноправие, культурно-языковые – борьбу за сохранение или возрождение языка и культуры этнической группы. Среди требований может быть возможность обучения на родном языке, создание средств массовой информации, придание языку статуса государственного. При политических конфликтах этнические меньшинства выдвигают требования политических прав (от автономии до создания конфедерации). Территориальные конфликты предполагают требования изменения границ, присоединения к другому государству или создания независимого государства [7]. Нередко в ходе этнического конфликта стороны преследуют несколько целей.

Еще одним основанием для классификации этнических конфликтов является их насильственный/ненасильственный характер. Выделяют две основные формы насильственных конфликтов: региональные войны и краткосрочные вооруженные столкновения. Региональные войны – это вооруженные столкновения с участием регулярной армии и применением тяжелого вооружения (южноосетинский, карабахский, абхазский, таджикский, приднестровский, чеченский конфликты). Краткосрочные вооруженные конфликты продолжаются всего несколько дней, но сопровождаются человеческими жертвами (конфликты в Фергане, Оше). Во время краткосрочных вооруженных конфликтов происходят погромы, нападения на представителей той или иной этнической группы. Поведение представителей враждующих сторон определяется интенсивными неконтролируемыми негативными эмоциями [13].

Среди ненасильственных этнических конфликтов выделяют манифестирующие, институциональные и идеологические. Формами проявления манифестирующих конфликтов являются митинги, акции протеста, демонстрации, голодовки, акции гражданского неповиновения. Участниками манифестирующих конфликтов являются толпы людей. Институциональные конфликты – противоречия между федеральным законодательством и законодательством того или иного региона страны (конфликт Республики Татарстан и федеральной власти РФ). Субъектами институциональных конфликтов являются представители региональной и федеральной власти. Идеологические конфликты – это выдвижение и обоснование притязаний на территорию или на государственность. Субъектами идеологических конфликтов являются представители элиты – политической, научной, художественно-творческой. Распространение идей в современном обществе

происходит с помощью СМИ, а в традиционных обществах их роль играют старейшины [13].

Также этнические конфликты классифицируются с точки зрения трудности их разрешения. Т. Г. Стефаненко отмечает, что межэтнические конфликты становятся трудноразрешимыми в результате эскалации враждебных действий и враждебных чувств. Политическая нестабильность, групповая травма, острота проблемы выживания и сохранения достоинства группы способствуют трансформации межэтнических конфликтов в трудноразрешимые [16].

Межэтнические конфликты развиваются длительное время. Г. У. Солдатова выделяет несколько стадий межэтнических конфликтов. Первая – латентная фаза межэтнической напряженности. При этом между этническими группами существуют позитивные взаимоотношения, национальность не является ведущей категорией социального восприятия, ее значимость определяется текущей ситуацией межличностного общения. Во взаимоотношениях представителей этнических групп отмечается как кооперация, так и конкуренция. Вместе с тем в силу определенных различий в поведении и мировоззрении их взаимодействие сопровождается не всегда осознаваемым повышенным уровнем психической напряженности [13].

Следующая фаза межэтнической напряженности – фрустрационная. Ее основным признаком является рост эмоционального напряжения представителей этнических групп. Переход к фрустрационной фазе связан с блокированием потребности представителей одной или обеих групп в позитивной этнической идентичности. Значительный вклад в повышение межэтнической напряженности вносят и социально-экономические проблемы. На этом этапе закладываются психологические основы межэтнического конфликта. На фрустрационной фазе отмечается рост бытового национализма, который проявляется в возникновении и широком распространении уничижительных характеристик: «чурки», «чучмеки», «лицо кавказской национальности», – популярности анекдотов на национальную тему. Учащаются бытовые конфликтные ситуации на национальной почве с участием представителей этнических групп. Этническая принадлежность становится все более важной характеристикой самосознания представителей этнических групп. Жизненные трудности связываются с этнической принадлежностью, что в некоторых случаях имеет реальные причины (например, дискриминация при приеме на работу). В обществе растет уровень социальной напряженности, которая трансформируется в межэтническую напряженность.

Следующая фаза напряженности – конфликтная. На этом этапе возникает реальный конфликт несовместимых целей, интересов, ценностей. Межгрупповые отношения строятся по типу соперничества. Звучат призывы к борьбе за социально значимые ценности, формируется образ врага.

Единичные случаи проявления негативного отношения к представителям другой этнической группы на бытовом уровне становятся массовыми, сокращается дистанция между негативными образами и соответствующими действиями, усиливается этническая солидарность.

Наивысшая фаза межэтнической напряженности – кризисная напряженность. На этой стадии межэтнический конфликт достигает апогея. Участники межэтнического конфликта переживают интенсивные негативные эмоции: страх и гнев. Взаимодействие представителей этнических групп определяется негативными чувствами, его основой становится насилие. В массовом сознании преобладают радикальные формы этнической идентичности: этноизоляционизм и национальный фанатизм. Эта стадия характеризуется радикализмом и несовместимостью позиций сторон, предвзятостью при интерпретации фактов, заикливанием на защите попираемых прав своего народа, снижением или утратой способности к объективному анализу информации. Стадия кризисной напряженности отличается иррациональностью участников конфликта, которая проявляется в глубокой убежденности сторон в своей правоте. Межэтнический конфликт воспринимается как борьба добра со злом. Все действия враждебной стороны интерпретируются как обусловленные злым умыслом, а собственные объясняются борьбой за справедливость и права своего народа. Межэтнический конфликт в этой стадии требует немедленного урегулирования, однако возможности для достижения этой цели весьма ограниченные.

В ходе межэтнического конфликта у его участников происходят изменения не только в эмоциональной сфере, но и в когнитивной. Уже на ранних стадиях изменяется восприятие внутригруппового сходства и межгрупповых различий: субъективно преувеличивается сходство представителей одной группы и различия между представителями конфликтующих групп. Так, в СМИ Армении и Азербайджана задолго до вооруженных столкновений стали создавать образ противоположной стороны как географически близкого, но культурно далекого народа. Преувеличение сходства между членами своей группы, усиление роли групповой идентичности субъективно снижают индивидуальную ответственность за применение насилия. Применению насилия способствует и *делегитимизация* представителей той или иной этнической группы, которые объявляются «недочеловеками» и ставятся вне закона. Достижение этой цели нередко осуществляется с помощью теорий заговора. В период экономической, политической, социальной нестабильности или эпидемий, стихийных бедствий ответственность возлагается на представителей той или иной этнической группы.

Т. Г. Стефаненко выделяет три основные формы урегулирования межэтнического конфликта: правовую, информационную, переговоры [16]. Правовое разрешение межэтнических конфликтов целесообразно в случае

нарушения прав той или иной этнической группы, неравного распределения привилегий между этническими группами (русские и латыши в Латвии, евреи и арабы в Израиле). Оптимальным вариантом является изменение законодательства, промежуточными механизмами могут быть изменения в социальной структуре, разрушение социальных барьеров между группами [16].

При информационном освещении того или иного межэтнического конфликта необходимо давать возможность высказаться обеим сторонам, в противном случае даже объективная и эмоционально нейтральная информация воспринимается каждой стороной как направленная на поддержку противоположной стороны (карабахский конфликт между Арменией и Азербайджаном).

Существует определенный алгоритм обсуждения вопросов на переговорах, который служит средством их прагматизации. Ю. П. Платонов отмечает, что в процессе переговоров необходимо прежде всего договориться о решении насущных практических вопросов: обмене пленными, похоронах погибших, доставке гуманитарной помощи и т. п. На втором этапе можно приступить к обсуждению социальных и экономических проблем. Политические проблемы, особенно имеющие символическое значение для обеих групп, должны обсуждаться на самом последнем этапе [13].

Разрешение межэтнического конфликта должно осуществляться при участии рабочей группы, состоящей из специалистов разного профиля [16]. Попытки разрешить межэтнический конфликт исключительно психологическими средствами обречены на провал, в то же время психологи могут внести большой вклад в разрешение конфликта участием в организации и сопровождении переговоров, обеспечением консультативной поддержки средствам массовой информации в освещении конфликта.

4.3. Миграция. Адаптация личности к инокультурной среде

Миграция является одной из важнейших проблем человечества и, представляя собой сложный общественный процесс, затрагивающий многие стороны социально-экономической жизни, не может рассматриваться просто как механическое перемещение людей.

В истории человечества миграции сыграли очень большую роль, с ними связаны такие процессы, как образование и смешение рас, формирование языков и народов, освоение новых земель, хозяйственное освоение земли. Характер и структуру миграций, а также их последствия изучают демография, экономика, география, социология, статистика, этнография, право, психология и другие науки.

Роль миграции в современном мире неуклонно растет. Главным фактором миграции является глобализация. Глобализация рынков труда влечет передвижение трудовых мигрантов, войны и вооруженные конфликты приводят к появлению потоков вынужденных переселенцев, все это, в свою очередь, приводит к возникновению целого ряда политических проблем и вызывает разного рода социальные конфликты, в том числе межэтнические, межнациональные и межконфессиональные столкновения. В проблеме миграции прослеживается взаимосвязь политических, идеологических, социальных, экономических, культурных и духовных сфер жизни человека.

Поскольку общественные перемены за последние два десятилетия кардинально изменили политическую и социальную ситуацию на постсоветском пространстве, где миллионы людей стали вынужденными переселенцами, проблема миграции стала весьма актуальной. Россия столкнулась с интенсивными миграционными потоками и на данный момент занимает второе место в мире (11,2 млн. человек) после Соединенных Штатов Америки (45,8 млн. человек) по количеству мигрантов (ВВС. Доклад ООН: США и Россия – лидеры по числу мигрантов, 12 сент. 2013 г.). Интересно, что, согласно отчету Международной организации по миграции, число международных мигрантов неуклонно растет. Так на 2010 г. их насчитывалось 214 млн. человек (3,1 % населения Земли). Следует отметить, что в последнее время миграция из разряда социально-экономических феноменов переходит в разряд политических. Современные геополитические изменения неизбежно приводят к новым миграционным волнам, миграция становится глобальным явлением, принося ряд серьезных проблем, в том числе проблему беженцев. В странах и регионах, которые затронули эти процессы, очевидно и влияние проблемы миграции на политическую жизнь.

Миграция населения (от лат. *migratio* – переселение) – это перемещение людей из одного региона в другой (из одной страны в другую), в ряде случаев большими группами и на большие расстояния. Целью такого перемещения является перемена постоянного места жительства или временное пребывание на чужой территории для осуществления какой-либо определенной задачи.

Миграцию подразделяют на *внешнюю* и *внутреннюю*. Внешней миграцией принято считать межконтинентальные и межгосударственные перемещения, внутренняя миграция представляет собой переселение людей внутри страны, т. е. в регионах, городах, сельской местности и другие.

Самым ярким примером внешней миграции принято считать процесс, начавшийся в XVI в., с колонизацией Америки: переселении огромного числа европейцев с родного континента в Новый Свет.

Интересно, что внешняя миграция в России имеет официальную дату начала: 3 апреля 1801 г., день, когда император Александр I разрешил поданным свободный выезд за границу.

Одним из наиболее показательных примеров внутренней миграции стали массовые переселения граждан Советского Союза на Крайний Север, в Сибирь и на Дальний Восток. Причинами этой миграции была необходимость обеспечения трудовыми ресурсами строек в этих регионах, а привлечь мигрантов удавалось высокой зарплатой, романтикой и такими организационными методами, как комсомольский призыв.

На сегодняшний день причинами внутренней миграции считаются повышение уровня жизни, улучшение жилищных условий, поиск работы и пр. Причинами внешней миграции чаще всего являются разница в уровне заработной платы за одинаковую работу в разных странах мира, и социальные гарантии населения. Таким образом, как внешняя, так и внутренняя миграция чаще всего вызваны экономическими причинами. Однако в числе причин внешней миграции можно назвать и возросшее количество вооруженных конфликтов и войн, приводящих к появлению беженцев. Кроме того, вынужденное переселение (как внешнее, так и внутреннее) могут вызывать политические конфликты и природные катаклизмы.

Миграций вследствие вооруженных и политических конфликтов, к сожалению, в XXI в. множество. Яркий пример – переселение огромного числа украинцев в Россию и соседние страны в результате политического переворота в Киеве и войны в Донбассе. По данным ООН на 16 апреля 2015 г., число украинцев, попросивших об убежище, разрешении на проживание или ином легальном статусе пребывания в соседних странах, составило 800 961 человек (Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights, 3 ju. 2016). В результате гражданских войн в Ираке, Сирии, Ливии, военных операций против ИГИЛ, кризисов в Сербии и Косово, религиозных столкновений в Нигерии, конфликтов в Йемене и Пакистане в начале 2015 г. в связи с многократным увеличением потока беженцев и нелегальных мигрантов в ЕС и неготовностью ЕС к их приему и распределению начался так называемый европейский миграционный кризис (The Washington Post, Sept. 18, 2015).

Как внешняя, так и внутренняя миграция в последнее время имеют все более серьезные политические последствия. Миграционные волны формируют новые вызовы национальной и региональной безопасности, сохранить которые можно только при ведении адекватной миграционной политики.

Людей, переселяющихся за пределы своей страны, принято называть *эмигрантами*, а переселяющихся в чужую страну – *иммигрантами*. Соответственно, перемещение из одной страны в другую называется либо *эмиграцией* (вынужденный или добровольный выезд людей из своей страны и расселение в другой), либо *иммиграцией* (въезд в страну граждан другой страны на временное или постоянное проживание, с точки зрения страны, принимающей мигрантов).

В понятие «миграция населения» ученые вкладывают разный смысл; только в отечественных публикациях можно насчитать около 36 определений, но все они имеют общие черты (Ионцев В. А. Мировые миграции. М., 1992).

В основном выделяют *экономические, социальные, культурные и политические* причины миграции. Причем миграция населения может быть как общественно организованной, так и неорганизованной.

Независимо от типа и причин, миграция имеет три основные стадии: принятия решения, территориального перемещения и адаптации. Задачами миграционной политики любого государства является уменьшение негативных последствий миграции, раскрытие конструктивного потенциала притока переселенцев и их адаптация к новым условиям жизни. Несмотря на то, что стадия адаптации является финальной, это наиболее сложная и длительная стадия миграции. Слово «*adapto*», заимствованное в латинском языке, издревле употреблялось для обозначения приспособления живых организмов к окружающей среде. Адаптация личности к инокультурной среде является сложным процессом и включает: сохранение или разрыв связей со своей родной культурой; усвоение социальных норм и ценностей принимающей культуры, создание системы социальных связей и обретение социально-экономического статуса в новой культуре.

Выделяют три вида адаптации мигрантов в зависимости от характера различий между прежним и настоящим местом жительства мигранта: приспособление к новой социально-демографической среде, адаптация к новому социально-экономическому статусу пункта проживания, медико-биологическое приспособление.

Приспособление к новой социально-демографической среде имеет двойственный характер: с одной стороны завязываются новые знакомства и родственные связи, с другой – постепенно ослабевают старые связи разного рода. Второй тип адаптации ассоциируется со сменой не только места жительства, но и социально-экономического статуса пункта проживания. Например, при переселении из сельской местности в город. Различия в образе жизни городских и сельских жителей зачастую затрудняют адаптационный процесс, так как при переселении возникает необходимость отказа от многих привычек и выработки новых форм поведения. Третий вид адаптации обычно называют биологическим или медико-биологическим приспособлением. Это приспособление к новой природной среде и иному географическому положению, в котором можно выделить акклиматизацию и естественную иммунизацию и адаптацию к географическому положению как социально-психологический процесс (Рыбаковский Л. Л. Демографическое будущее России. М., 2001).

При переселении в инокультурную среду у человека возникают разного рода психические расстройства, сопровождающиеся тревогой, ощу-

щением неполноценности и отверженности, напряжением, ощущением потери чего-то важного, происходит конфликт прежних, оставленных индивидом, и новых, представляющих то общество, в которое он прибыл, культурных ориентаций и норм. Этот процесс в 1954 г. был назван американским антропологом К. Обергом (K. Oberg) *культурным шоком*. Помимо вышеперечисленных симптомов культурного шока, принято выделять ролевую диффузию и негодование (иногда отвращение) при анализе различий между культурами. Культурный шок – это шок от нового, реакция на соприкосновение с новой культурой, которая является «запутанным, смущающим и дезорганизующим переживанием» (Oberg K. Culture shock: Adjustment to new cultural environments. Practical anthropology. 1960. № 7).

Опыт, полученный от знакомства с новой культурой, может неприятно шокировать неожиданностью, а может, наоборот, привести, к отрицательной оценке родной культуры. В последнее время, помимо вышеперечисленных психологических симптомов культурного шока, психологи отмечают и соматические симптомы: проблемы со сном (либо бессонница, либо чрезмерная потребность в сне), головные боли, проблемы с едой (потеря аппетита либо переедание), излишнее употребление алкоголя и/или лекарственных средств, употребление наркотических средств.

Преодоление культурного шока, совокупности психосоматических симптомов и психологических проблем в процессе привыкания к инокультурной среде принято называть *психологической адаптацией*. Психологическая адаптация при миграции – это совокупность психологических последствий, которые включают четкую личностную и этническую идентификацию, чувство личного удовлетворения в новом обществе и хорошее душевное здоровье. Общение с представителями своей культуры является важным для успешной психологической адаптации мигрантов. Контакты с представителями принимающей культуры на первых этапах адаптации, как правило, довольно поверхностные, а потребность в близком общении удовлетворяются в отношениях с представителями родной культуры.

Социокультурная адаптация – способность личности успешно взаимодействовать с людьми и решать возникающие проблемы в новой социальной среде, вовлеченность в системы социальных связей. Успешной социокультурной адаптации способствует постоянное общение с представителями принимающей культуры. Представители родной культуры также могут оказать помощь в социокультурной адаптации, сообщить необходимую информацию, помочь в создании социальных связей с представителями принимающей культуры.

Экономическая адаптация предполагает наличие у мигранта работы, соответствующей уровню его профессиональной квалификации, удовлетворенность работой, материальное благосостояние.

Существует близкий по значению к термину «культурный шок», но в меньшей степени акцентирующий внимание на отрицательных симптомах адаптации термин «*стресс аккультурации*», введенный Дж. Берри. Теория стресса аккультурации утверждает, что источником проблем является не собственная культура, а межкультурное взаимодействие. Под аккультурацией принято понимать процесс взаимного влияния представителей разных культур, а также изменения в культуре, инициированные столкновением двух и более автономных культурных систем. Данный феномен существует как на групповом, так и на личностном уровне.

Аккультурацией изначально называли изменения на групповом уровне, т. е. в результате «непосредственного длительного контакта между двумя разными культурными группами» (Redfield R., Linton R., Herskovits M. J. Memorandum for the study of acculturation, 1936).

По мнению Берри, аккультурацию обуславливают два одновременно действующих фактора: поддержание культуры (в какой степени признается важность сохранения культурной идентичности) и участие в межкультурных контактах (в какой степени стоит включаться в иную культуру или оставаться среди «своих»). В зависимости от ответа на эти два важнейших вопроса Берри определяет четыре стратегии аккультурации: ассимиляцию, сепарацию, маргинализацию, интеграцию.

Под *ассимиляцией* Берри понимает процесс, в котором группа и ее члены теряют свою культуру, но поддерживают контакты с новой. *Сепарация* предполагает сохранение своей культуры и отказ от контактов с другой культурой. *Маргинализация* – это потеря группой и ее членами своей культуры и отказ от новых тесных культурных контактов. Под *интеграцией* понимается сохранение культуры каждой из взаимодействующих групп при одновременном установлении тесных контактов с новой культурой (Berry J. W. Immigration, acculturation, adaptation. Applied Psychology. 1997. № 46. P. 11).

Поведение мигранта зависит от выбора стратегии, которая осознается им лишь частично. Если выбор сделан в пользу стратегии ассимиляции, то мигрант будет стараться во всем походить на представителей принимающей культуры. При сепарации мигрант будет стараться говорить исключительно на родном языке, обязательно будет праздновать национальные праздники, сохранит привычное питание и манеру одеваться, события на покинутой родине будут интересовать его больше, нежели события в стране пребывания. Стратегия маргинализации чаще всего оказывается вынужденной, если мигранты отказались от родной культуры, чтобы их приняло общество страны или местности, куда они переселились, а общество по разным причинам их не принимает. Мигранты, выбравшие стратегию интеграции, сохраняют принципиально важные для них аспекты родной культуры и при этом принимают новую культуру, находя в ней много

важного. Они используют как родной язык, так и язык принимающей стороны, празднуют свои национальные праздники и праздники нового культурного сообщества, готовят блюда как своей национальной кухни, так и кухни принимающей культуры.

Конечно, яркие выразители какой-либо стратегии в чистом виде встречаются редко, чаще всего в разных сферах жизни мигранты используют разные стратегии. Снизить риск негативных последствий культурного шока и стресса аккультурации может подготовка потенциальных мигрантов, в этом случае они смогут использовать влияние новой среды как толчок к саморазвитию.

Для проведения эффективной миграционной политики законодательство стран должно учитывать принципы и нормы международного права. В настоящее время в большинстве государств сложилась система, регулирующая потоки переселенцев и принимающая меры для их адаптации.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Агеев В. С.* Межгрупповое взаимодействие. Социально-психологические проблемы. – М. : МГУ, 1990. – 240 с.
2. *Берри Дж.* Кросс-культурная психология. Исследования и применение / Дж. Берри, А. Х. Пуртинга, М. Х. Сигалл, П. Р. Дасен. – Харьков : Гуманитарный центр, 2007. – 560 с.
3. Гарднер Г. Структура разума: теория множественного интеллекта. М. : ИД «Вильямс», 2007. – 512 с.
4. *Коул М. С.* Культура и мышление. Психологический очерк / М. Коул, С. Скрибнер. – М. : Прогресс, 1977 – 262 с.
5. *Крысько В. Г.* Этническая психология : учеб. пособ. для студ. учрежд. высш. проф. образ. – М. : Академия, 2011. – 320 с.
6. *Лебедева Н. М.* Ценности культуры и развития общества / Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко. – М. : ГУ ВШЭ, 2007. – 527 с.
7. *Лебедева Н. М.* Этнопсихология. – М. : Юрайт, 2014. – 647 с.
8. *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII в. – начало XIX в.). – СПб. : Искусство СПб, 2002. – 413 с.
9. *Льюис Р. Д.* Деловые культуры в международном бизнесе: от столкновения к взаимопониманию. – М. : Дело, 2001. – 434 с.
10. *Матьяш О. И.* Межличностная коммуникация. Теория и жизнь / О. И. Матьяш, В. М. Погольша, Н. В. Казаринова, С. А. Биби, и др. – СПб. : Речь, 2011. – 560 с.
11. *Мацумото Д.* Человек. Психология. Культура. Удивительные загадки, исследования, открытия. – СПб. : Прайм-Еврознак, 2008. – 672 с.
12. *Овчинников В. В.* Сакура и дуб. – М. : АСТ, 2016. – 605 с.
13. *Платонов Ю. П.* Основы этнической психологии. – СПб. : Речь, 2003. – 452 с.
14. *Почебут Л. Г.* Кросс-культурная и этническая психология. – СПб. : Питер, 2012. – 336 с.
15. *Синякина Е. Г.* Психологические характеристики русского крестьянства второй половины XIX – начала XX века : автореф. дисс. ... канд. психол. наук. – М., 2012. – 23 с.
16. *Стефаненко Т. Г.* Этнопсихология. – М. : Аспект-Пресс, 2014. – 598 с.
17. *Триандис Г. К.* Культура и социальное поведение – М. : Форум, 2007. – 384 с.
18. *Холл Э.* Как понять иностранца без слов. – М. : АСТ, 1995. – 205 с.
19. *Экман П.* Психология эмоций. – СПб. : Питер, 2011. – 334 с.

Учебное издание

Ященко Елена Федоровна,
д-р психол. наук, профессор
Синельникова Елена Семеновна,
канд. психол. наук, ассистент
Чернова Галина Рафаиловна,
канд. филос. наук, доцент
Буленкова Марина Евгеньевна,
ст. преподаватель

ЭТНОПСИХОЛОГИЯ

Учебное пособие
под редакцией Е. С. Синельниковой

Редактор и корректор *М. С. Копяткевич*
Компьютерная верстка *М. С. Копяткевич*

План 2016 г., № 73

Подписано в печать с оригинал-макета 21.11.2016.
Формат 60×84 1/16. Бумага для множ. апп. Печать ризография.
Усл. печ. л. 3,25. Тираж 300 экз.

Заказ 1120.

ФГБОУ ВО ПГУПС. 190031, СПб., Московский пр., 9.
Типография ФГБОУ ВО ПГУПС. 190031, СПб., Московский пр., 9.